

ПРОЛЕТАРСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ

ежемесячная марксистская газета

№ 126, март 2025

ПОЛИТИЧЕСКИЕ БИТВЫ ЕВРОПЕЙСКОГО ЛЕНИНИЗМА

Спустя 30 лет после смерти Арриго Черветто мы публикуем заключительные фрагменты вступления к его "Избранным произведениям", которые скоро выйдут в свет на итальянском языке в серии "Библиотека молодых".

В 1944–1945 годах участие в партизанской войне. Политическое сражение в рядах либертарного коммунизма. Корейская война и позиция «ни Вашингтон, ни Москва». Увольнения с Ilva и Ansaldo, политическая и оборонительная профсоюзная борьба в ходе послевоенной реструктуризации. С 1953 года кризис сталинизма, в 1956-м Суэцкий кризис, Венгерское восстание и "Тезисы" 1957 года как вызов теории и стратегии тенденциям унитарного империализма. Политическая борьба в Azione Comunista и Движении коммунистической левой. С 1950-х до начала 1970-х годов интернационалистская борьба вокруг антиколониальных революций и конфликтов молодых капитализмов в виде алжирской войны, войн в Индокитае и арабо-израильских войн. Кризис в отношениях между Китаем и СССР в 1960-е годы; противостояние маоизму и тьермондистским или кастриским идеологиям слабразвитости. Борьба против единого европейского рынка и европейского империализма, «третьего блока» унитарного империализма.

Также в 1960-х годах – политическое сражение в первых схватках рабочей стихийной борьбы, тезис об «американской канве» итальянского развития. В 1968 году – вторжение в Прагу и трещины ялтинского баланса; научная победа откровения «действительного раздела» между США и СССР. Ленинская тактика в кризисе школы и борьба за перспективы профсоюзного движения в наступлении наёмных работников. Нефтяной шок 1973 года и кризис реструктуризации. «Упорядоченное отступление» при переходе к оборонительным позициям класса и «генеральная задача» организации; сражения в Генуе и Милане против гнусной сталинистской кампании. Сражение в Турине 1980 года в контексте реструктуризации автопрома. Вторжение в Афганистан и военное положение в Польше, интернационалистское сражение в «новом противостоянии» 1980-х годов с упадком двух сверхдержав и восхождением Европы и Японии. Политическая и организационная борьба в ходе социальных изменений; «техники-производители» и «партия научного порядка» по отношению к новым поколениям. Интернационалистское сражение по поводу конца Ялтинского порядка, с распадом СССР, объединением Германии и войной в регионе Персидского залива; вторжение Азии и Китая, с резким поворотом в глобальном развитии, как это было в XVI веке.

Эти двадцать сражений Арриго Черветто, в рамках которых были десятки других боёв на теоретическом, политическом и организационном уровне, составляют основу этих "Избранных произведений". Их объединяет его политическая жизнь в качестве революционного лидера, но прежде всего его стратегическое мышление, в котором сочеталось время капиталистического

развития и оценка его противоречий в кризисах, войнах, борьбе классов и государств.

Возникает вопрос: почему молодой человек должен интересоваться политическим деятелем прошлого века и трудами тридцати, пятидесяти или семидесятипятилетней давности?

Два ответа. Первый – более общий. Эти "Избранные произведения" Черветто для "Библиотеки молодых" следуют за аналогичными изданиями работ Маркса и Энгельса, а также Ленина. Они представляют собой три цикла революционной стратегии. Маркс и Энгельс основали науку в XIX веке, в эпоху восхождения буржуазии и национальных революций; Ленин обновил теорию и стратегию для эпохи империализма; Черветто восстановил и развил теорию империалистического развития, государства и партии Маркса и Ленина: его особый вклад состоит в том, что он показал, что большевистская модель партии может быть создана в метрополии зрелого империализма, и разработал анализ и теорию, чтобы быть в состоянии действовать в условиях этой зрелости. Это и есть «беспрецедентная задача», утверждение европейского ленинизма. Необходимо уточнить, однако, что только историческая случайность позволила большевистской модели закрепиться в Европе в борьбе с европейским империализмом, но именно таким путём этот опыт может достичь молодёжи и пролетариев всего мира.

Второй ответ более подробен и касается сражений, которые происходили в течение тридцати лет после смерти Черветто. Нет ни одного сражения, в котором мы не использовали бы прежний теоретический и политический опыт; если Ленин обращался к Марксу и Энгельсу, а Черветто, помимо этих двух основоположников науки, – к Ленину, то в последние десятилетия стало правилом обращаться к Черветто, Ленину, Марксу и Энгельсу.

После Ялтинской конференции прошло восемьдесят лет, почти столько же лет борьбе АГПД (Анархистских групп пролетарского действия) с идеологией этого раздела под лозунгом «ни Вашингтон, ни Москва», в то время как научному открытию «действительного раздела», сближению США и СССР против европейского империализма, исполнилось почти шестьдесят лет. И всё же достаточно взглянуть на газетные и телевизионные репортажи о последствиях войны на Украине, чтобы понять, насколько насущным является это научное наследие в сходствах и различиях борьбы за влияние на Старом континенте.

Тезисам 1957 года уже почти семьдесят лет, и их стратегический цикл завершился с выходом империалистического Китая из «зоны отсталости», но эти концептуальные рамки остаются незаменимыми для

понимания того, как империалистическое развитие привело к кризису порядка.

Научный анализ и интернационалистские сражения по поводу империалистической войны – первый опыт Черветто – национальных антиколониальных войн, войн нового противостояния, войн распада СССР ознаменовали полвека науки и борьбы и позволяют сегодня противостоять войнам кризиса порядка.

Также пятьдесят лет исполняется размышлениям о «генеральной задаче», том звене организации, которое позволяет справиться с любым кризисом и любыми непредсказуемыми осложнениями, и которое стало ключом к преобразованию кризиса пандемии столетия в борьбу за новый цикл развития партии.

Исследованию демографических тенденций снижения рождаемости почти пятьдесят лет; сорок лет анализу социальных изменений в позднеимпериалистический период, от семьи с несколькими источниками дохода до стратификации служащих и технических специалистов: сегодня правящий класс сталкивается с

плодами своей недалёковидности в условиях демографической зимы, которая создаёт провалы в рабочей силе.

Теоретической разработке проблемы империалистической демократии уже сорок пять лет, как и началу размышлений о монетарной власти. Они стали основой для понимания плюрализма сил европейского империализма и его ядра в федерации евро, так же как они являются концептуальной рамкой для анализа империалистической демократии в Китае.

Есть ещё многое из того, чем следует воспользоваться, например, анализ итальянского нарушения равновесия, европейского и американского политического цикла, а также наброски анализа неравномерного развития и баланса сил, помещённые в рамки углублённого изучения марксистской теории международных отношений.

Несомненно, для любого молодого человека, у которого есть «вкус к пониманию, вкус к борьбе», эти страницы обязательно прочтению.

Lotta comunista, февраль 2025 г.

Содержание

ПОЛИТИЧЕСКИЕ БИТВЫ ЕВРОПЕЙСКОГО ЛЕНИНИЗМА	стр. 1
Атлантический шок над Европой	стр. 2
Азия и Европа оценивают непреднамеренные результаты американского упадка	стр. 3
Криптовалюты, тарифы, нефть и расходы в указах Трампа	стр. 4
<i>Европейские хроники</i>	
Украина: тест для европейского перевооружения	стр. 5
<i>Российские хроники</i>	
История повторяется дважды	стр. 6
О смысле и содержании консервативной внешней политики Кремля	стр. 7
Корейский кризис и японская гибкость	стр. 8
<i>Рабочая борьба в мире</i>	
Забастовка докеров на Восточном побережье	стр. 9
<i>Издательская новинка</i>	
Китайская коллизия и империалистический век	стр.10
<i>Хроники Шёлкового пути</i>	
Пекин измучен приматом внутренней политики	стр.11
<i>Рецензии</i>	
Китайская опасность в Берлине	стр. 12
Илон Маск: космический предприниматель	стр.13
Соглашение Китая со Святым Престолом и миф о мировом единстве	стр. 14
<i>Промышленность и фармацевтика</i>	
Геополитика здравоохранения	стр.15
Европеисты надевают доспехи	стр. 16
СУТЬ МОМЕНТА	стр. 16

Атом и индустриализация науки

Бомба атомная и бомба водородная	стр. I
Обобществление труда для массового уничтожения	стр. II
Учёные и капитал	стр. III
Переплетение военной и гражданской ядерной энергетики	стр. IV

Атлантический шок над Европой

Преувеличение обесценивает суть, говорили раньше, и это особенно верно для жёстких реалий международной политики. Однако в эпоху демократии телевидения и социальных сетей нужно учитывать, что намеренное преувеличение стало неотъемлемой частью их стиля коммуникации. Этому способствует техническая возможность интернета немедленно и повсеместно предоставить аудиторию любому провокационному спектаклю, который разыгрывается из нарциссического стремления выделиться.

Если «средство – это сообщение», как утверждал Маршалл Маклюэн применительно к телевидению, которое превратило коммуникацию в площадь «глобальной деревни», то стоит учитывать, как его дальнейшее слияние с социальными сетями превращает даже спонтанные или не до конца осмысленные заявления в глобальные политические события. Они транслируются в обход традиционных фильтров – без времени на осмысление, без посредничества дипломатии, партий, аналитических центров или даже серьёзных медиа, способных придать им концептуальную стройность, в экспрессивной манере психологии массового индивидуализма, доходящей до ребячества. Так, из серии импульсивных постов президента Дональда Трампа в X (бывшем Twitter) можно узнать о резкой смене союзов по Украине, жестоком шантаже её природными ресурсами и даже о возможном новом Ялтинском разделе между Вашингтоном и Москвой за спиной Европы. А из выступления вице-президента Дж. Д. Вэнса на Мюнхенской конференции *Wehrkunde*, насыщенного эффектными фразами для телевизионных нарезок, становится ясно: для новой власти в Вашингтоне Европа – большая угроза, чем Россия и Китай.

Ещё недавно Вэнс, хулиган № 2, говорил о своём будущем начальнике, главном хулигане Дональде Трампе, называя его «американским Гитлером», а его скандальные заявления – «культурным героинем». Вместо того чтобы заикнуться на его бахвальстве, в ЕС стоило бы задуматься над словами Уолтера Рассела Мида в *Wall Street Journal*: европейцы «теперь знают, что де Голль был прав» – нельзя вечно рассчитывать на американские «на американские незаполненные чеки».

Главное – помнить, что на самом деле говорил де Голль в мае 1962 года, обосновывая создание французских сил ядерного сдерживания и напоминая о «невероятных поворотах», на которые способна история. Он настаивал: Европе нужно научиться рассчитывать на себя, потому что Америка может «разорваться от терроризма или расизма». А значит, Франция и Европа обречены вне зависимости от того, находятся ли Вашингтон и Москва в конфронтации или, напротив, достигли соглашения.

Трудность вернуть к реальному масштабу те преувеличения, которые порождает демократия телевидения и социальных сетей, является проблемой не только марксистской науки о политике. Эмили Хабер, два года назад занимавшая пост посла Германии в Вашингтоне, в интервью журналу DGAP (Немецкое общество внешней политики) утверждает, что стратегические интересы Германии должны быть переосмыслены как интересы Европы и независимо от того, кто является президентом в Вашингтоне. Однако это предположение основывается на том, что подход Трампа, рассматривающего всё как предмет торга, рационален, но «зачастую это не так». Тогда становится понятно, как много вопросов остаются открытыми.

Во-первых, насколько глубок кризис атлантических отношений? Это несомненно кризис и кризис серьёзный. *Financial Times*

призывает избавиться от «успокаивающих иллюзий» о том, что «Трамп не имеет в виду то, что говорит»: «Америка изменила своё мнение»; отказ от союзников «реален и будет продолжаться». *The Economist* пишет о «худшем кошмаре Европы»: больше нельзя рассчитывать, что США придут на помощь «в военное время». Заключение выступления Фридриха Мерца в предвыборной кампании перекликается с драматической редакционной статьёй *Frankfurter Allgemeine Zeitung* (FAZ) о «расколе Запада»: возможно, что Трамп «не будет больше безоговорочно выполнять обязательства НАТО по взаимной обороне»; нужно, по крайней мере, быть в состоянии «оборонять европейский континент самостоятельно»; необходимо также обсудить с Лондоном и Парижем «совместное использование ядерного оружия» или хотя бы распространение их ядерного зонтика на Германию.

Во-вторых, насколько окончательным и необратимым является атлантический кризис? Здесь нюансы и чувство меры в оценках важны как никогда, потому что преувеличение и драматизация – это оружие политической борьбы как в США, так и в Европе. США говорят о катастрофе НАТО, чтобы атаковать Трампа; в Европе это делают, чтобы обосновать необходимость стратегической автономии Старого континента. То же касается акцента на якобы фатальной слабости ЕС, который одновременно служит риторическим целям Трампа и стимулирует европейцев задуматься о восстановлении.

В газете *Le Point* Брюно Тертрэ из Фонда стратегических исследований (FRS) пишет, что провозглашение конца Альянса «лишено видения в исторической перспективе», поскольку США и ЕС всегда соперничали в экономической и торговой областях. Европейцы должны постепенно увеличить свой военный бюджет до 3%; отдавать предпочтение европейским или неамериканским поставщикам вооружений; использовать свою экономическую мощь в качестве рычага влияния; и, совместно с Лондоном, создать основу для «европейских сил сдерживания».

В воскресном издании *FAZ, Frankfurter Allgemeine Sonntagszeitung*, Йохен Бухштайнер сомневается в реалистичности идеи европейского сдерживания. Поскольку у Европы не хватает сил для «*Sonderweg*», полностью автономного и особого пути, так как «совместное использование ядерного оружия с Лондоном и Парижем не просматривается, а «*Alleingang*», самостоятельный курс Германии, невозможен, то наименее плохим вариантом остаётся «реинициация» НАТО. США будут настаивать на перераспределении обязанностей, чтобы сосредоточиться на решении проблем Индо-Тихоокеанского региона, причём НАТО в таком случае станет глобальным альянсом и трансформируется из «сообщества ценностей» в «сообщество стратегических интересов». А в качестве второго условия Вашингтон потребует либерализации европейского рынка для американских технологических компаний в сфере социальных медиа и искусственного интеллекта – именно в этом на самом деле состояла суть упрека Вэнса на *Wehrkunde* по поводу «свободы слова» в Европе.

Акцент на концепции *Sonderweg*, заметим, заслуживает отдельного рассмотрения. *Германский вопрос* заключался в смертельной опасности того, что Германия могла свободно маневрировать в центре континента, поэтому её следовало либо разделить, либо прочно интегрировать в Европу и Атлантический альянс. Поэтому, как говорили, ссылаясь на первого генерального секретаря альянса лорда Исмея, функция НАТО заключалась в том, чтобы «держать русских вон, американцев внутри и немцев

под контролем». Сегодня атлантический кризис и унилатерализм, т.е. новый американский национализм, представляют собой своего рода *Sonderweg* Соединённых Штатов и формируют беспрецедентный американский вопрос. Конечно, существует вероятность того, что европейцы снова окажутся разделёнными, как это случилось в 2003 году с войной в Ираке, которая заморозила амбиции создания европейской обороны, возникшие после войн в Боснии и Косово. Но тезисы в пользу европеизации НАТО, что составляет реальный подтекст британской линии, отражённой в *Financial Times* и *The Economist*, делают ставку на Альянс с европейским центром тяжести, способный сгладить американские колебания. Насколько смелой окажется эта ставка, покажет время; безусловно, именно по этому узкому пути европеистской трансформации вместе с британцами идут сторонники немецкого и польского структурного атлантизма, а также Джорджии Мелони с её двусмысленной евроатлантической позицией.

В-третьих, какую стратегическую перспективу открывает новая конфигурация отношений между Вашингтоном и Москвой? Высокопарная формула «новой Ялты» исторически непропорциональна. Ялтинские и Потсдамские соглашения после второй мировой войны закрепили раздел Европы, который проходил через самое сердце Германии – через Берлин; для нас они стали символом «действительного раздела», потому что США поддерживали притязания слабого СССР, чтобы сдержать европейский империализм. После распада СССР, который по своим последствиям сопоставим с третьей мировой войной, произошёл «новый раздел», когда Восточная Европа была кооптирована в ЕС и частично во внутреннее ядро федерации евро. Оставались «серые зоны», прежде всего Украина, чей статус оставался неопределённым и сделал её объектом противоборствующих стратегий влияния и американских операций вмешательства. Если, предстоящее соглашение действительно закрепит раздел по текущей линии фронта, то это оставит Донбасс и Крым за Россией, а Украина останется в роли пограничной зоны, вероятно, с нейтральным статусом и перспективой интеграции в ЕС. В отличие от Ялты, линия раздела будет проходить в русской, а не в немецкой зоне, по новороссийским землям, которые находились под суверенитетом царей со времён Екатерины II. По сути, речь идёт о жёстком переделе, в котором участвуют российский и европейский империализмы, а американский империализм, устами Трампа, теперь требует свою «долю добычи» – под видом концессий на разработку редкоземельных металлов.

Другой вопрос – удар, нанесённый кризисом по энергетическому *Rapallo*, системе, в рамках которой российский газ обменивался на немецкие и европейские инвестиции и промышленное оборудование. Но здесь поражение оказалось взаимным – как для Европы и Германии, так и для России. Показательно, что на повестке дня вновь стоит обсуждение возможного возобновления работы газопровода «Северный поток-2», который был взорван в результате асимметричной войны внутри самого Альянса, в ходе украинско-польско-американской акции.

В-четвёртых, каковы будут глобальные стратегические последствия? Оставим эти размышления для следующей страницы нашей газеты, посвященной международной политике и «непреднамеренным последствиям», обсуждаемым в Азии и Европе. Поскольку новый Ялтинский раздел понимается в том числе как договор о разделе влияния с Китаем, добавим лишь тезисы, опубликованные в *Le Monde* французским иезуитом

Бенуа Вермандером, директором академии Маттео Риччи при шанхайском Фуданьском университете, взявшим китаизированный псевдоним Вэй Мингдэ. Вермандер-Вэй утверждает, что прорисовываются две возможные коалиции: «двойная» между США и Россией и «тройственный альянс» между Вашингтоном, Москвой и Пекином. И в том, и другом случае жертвой будет Европа как «больной человек планеты», а для Пекина реальной угрозой станет превращение «тройки» в «двойку» после заключения соглашения между США и Россией.

Внимание: по мнению еврокитайского иезуита, страны ЕС, связанные с Великобританией, «должны изолировать тех, кто стоит у них на пути; они должны вооружиться экономически, в военном плане и психологически, чтобы обеспечить своё выживание [...]; любое подыгрывание разногласиям, вносимым Москвой, а теперь и Вашингтоном, равносильно коллаборационизму; именно по модели военной экономики должны быть восстановлены основы, как производственные, так и стратегические».

Китай регулярно пытается разделить европейский фронт, но воздерживается от заигрывания с крайне правыми, «в отличие от российского и американского вмешательства». Для ЕС Пекин показал себя «более надёжным игроком»; существует «пространство для переговоров» по общим интересам. Китайской стороне для этого желательно видеть ЕС в качестве одного единственного собеседника, вместо того чтобы обращаться к отдельным странам: «Необходимо научиться определять приоритет опасностей, и первая из них сейчас заключается в создании оси Вашингтон-Москва». Необходима «стратегия обхода», основанная на укреплении «европейских стратегий в отношении Индии, Африки, Латинской Америки и Юго-Восточной Азии». Что касается необходимости Европы держать удар, «сталкиваясь с ускоряющимся тройным наступлением», ей необходимо перейти к «новому видению», чтобы противостоять коалиции США-Россия-Китай, «возможная консолидация которой угрожает нашим интересам, нашим ценностям и даже нашей политической структуре».

Японская газета *Asahi Shimbun* назвала «объединённым фронтом» защиту многостороннего подхода – эта формула не останется незамеченной в Пекине. Здесь мы имеем Объединённый фронт S.J., подсказанный иезуитами.

Наконец, в-пятых, помимо жарких дебатов, есть ли какие-то конкретные шаги на европейском направлении? На данный момент их три, а если учитывать победу Мерца на выборах – четыре. Первый заключается в том, что за три года войны на Украине военные расходы стран ЕС выросли с 214 до 326 миллиардов евро – на 52%, или на 112 миллиардов, – и до 2% ВВП Евросоюза. Увеличение до 3%, как предполагает Тертрэ, а также министр обороны Германии Борис Писториус, приблизит ЕС к 500 миллиардам. Второй – возникновение сферы «5+1», – о которой в своё время теоретизировал аналитический центр DGAP, – состоящей из Франции, Германии, Польши, Италии и Испании с добавлением Великобритании, в которой обсуждаются условия европейского перевооружения. Третий шаг состоит в подключении Лондона к этому процессу, и для *Times* именно Трамп, сторонник Брексит, «сделал больше для сближения Британии и Европы, чем мог бы сделать Кип Стармер в одиночку».

Для тех, кто сомневается в политическом смысле нашего стратегического противостояния европейскому империализму, есть пища для размышлений.

Азия и Европа оценивают непреднамеренные результаты американского упадка

«Наказывая своих давних союзников трифами, Дональд Трамп подталкивает другие страны к созданию торговых блоков и сетей без участия США». *New York Times* лишь полемически ставит этот вопрос, но в Европе и Азии он уже стал центральной темой размышлений.

Тарифы – это «объявление экономической войны», утверждает *Le Monde*. Последовало быстрое временное перемирие на переговорах, где тарифы были приостановлены в обмен на тактические уступки со стороны Канады и Мексики. И хотя «блеф» смог принести некоторые временные результаты, в сердце американских отношений «постоянная нестабильность» уже пустила корни. Непредсказуемость как оружие, как отмычка, которую новое президентство пускает в ход перед лицом американского упадка, намереваясь даже по возможности обратить его вспять, но ценой подрыва доверия к США как гаранту старого порядка и сети союзов, которые нужны Штатам для противостояния Китаю, даже если их отношения с Европой перестраиваются, а Япония полностью перевооружается.

Поэтому так сложно интерпретировать громкие заявления новой исполнительной власти или её опрометчивого подхода к самым запутанным узлам международных отношений, начиная с *войн кризиса порядка* в Газе и на Украине. Чтобы оценить реальный вес проекционистских угроз и понять, в какой степени они действительно затронут союзников, нужно посмотреть, в каком масштабе они будут введены в ближайшие месяцы. Так или иначе, что в Брюсселе и Токио, что в Пекине, что среди разных течений в самом Вашингтоне внимательно наблюдают за принудительными шагами Штатов: не в первый раз односторонние выходы США приводят к ускорению тенденций к многополярности, которым они пытались помешать, в полном соответствии с законом непреднамеренных результатов.

«Никсоновский шок», односторонний отказ от конвертируемости доллара в 1971 году, чаще всего всплывает в качестве прецедента, так как тогда же были временно введены 10-процентные общие тарифы, которые должны были подтолкнуть мировые державы к быстрому монетарному компромиссу. Этот шаг дал импульс процессу, который постепенно привёл Старый континент к евро, начиная с введения «валютного коридора» и последующего перехода к Европейской валютной системе (EMS). Но ещё раньше, уже в 1975 году, США пришлось признать необходимость пересмотра своих глобальных отношений, включив Европу и Японию в неформальный «директорат», созданный в Рамбуйе, сначала в виде Большой пятёрки, а затем Большой семёрки. США, ослабленные Вьетнамом и Уотергейтом, не могли самостоятельно гарантировать послевоенный порядок.

Рейгановское перевооружение в 1980-х годах также было ответом на тенденцию к многополярности: в этом случае против Германии и Японии была разыграна военная карта; но это истощило СССР до такой степени, что привело к его распаду, в результате чего Германия воссоединилась. В Азии соглашения «Плаза» и обвал Азиатского валютного фонда в 1990-х годах говорили Японию к «потерянным десятилетиям», но при этом на фоне набирающей силу Китая. Распад СССР и открытие Никсоном и Киссинджером отношений с Пекином сыграли Китаю на руку. «Война по выбору» Джорджа

Буша в 2003 году была попыткой взять под контроль энергетическую артерию, чтобы предотвратить дальнейшее объединение Европы и восхождение Китая; но и эта односторонняя тактика привела к непредвиденным стратегическим результатам, начиная с катастрофического ухода из Ирака и Афганистана и заканчивая вступлением Китая в игру в Персидском заливе.

Настал черёд Европы заплатить самую большую цену, и вот в чём суть: вмешательство США против линии Ширака-Шрёдера, выступавших против войны 2003 года, разрежало Европейский союз как «ножом через масло». В результате процесс централизации Европы, по крайней мере в критически важной сфере внешней политики и обороны, остался замороженным более чем на два десятилетия. В конечном итоге действия США привели к тому, что часть вызова со стороны Китая была перенесена внутрь трансатлантических отношений, и именно этот аспект может снова стать предметом споров при новой администрации. То же самое можно сказать и об асимметричном союзе с Японией.

Дело в том, что непреднамеренные последствия, либо неверно интерпретированные Белым домом, либо просто связанные с хаотичным управлением относительным упадком, могут неравномерно сказаться на различных державах. А значит, они способны изменить относительные издержки и выгоды, связанные с *кризисом мирового порядка*. В какой степени это ослабит или, скорее, усугубит распад старых многосторонних структур – вопрос открытый; однако в анализ последствий также входит реакция других империалистических центров, которые могут быть вынуждены активизировать своё экономическое, политическое и военное перевооружение именно из-за одностороннего курса Штатов.

Достаточно вспомнить вопрос европейской обороны, который вместе с войной в Украине вернулся к тому же, на чём застыл ещё в 1990-е годы, или «контрнаступление», предложенное в Планах Драги о конкурентоспособности. В Европе и Азии империализм США десятилетиями «защищал» своих союзников именно для того, чтобы не позволить им перевооружаться или, как минимум, усилить стратегическую и военную автономию: насколько сейчас продумана высокомерная риторика, призывающая их позаботиться о себе самим?

Газета *New York Times* на примере Европы иллюстрирует, какие контрмеры принимают державы для защиты многосторонности, чтобы расширить свои отношения и защититься от американской непредсказуемости. С одной стороны, Европа укрепляет связи с МЕРКОСУР и Мексикой в американском полушарии; с другой стороны, Лондон пытается восстановить отношения с ЕС, разорванные Брекситом, за чем с тревогой наблюдает пресса США. Серьёзность намерений на Ла-Манше подтверждается также тем, с какой скоростью на них отреагировали еврокептические СМИ и, по мнению *Le Monde*, «сближением» в оборонной сфере, имеющим практические последствия для дискуссии вокруг европейского процесса, от промышленной политики до форм финансирования военных расходов.

Выступая на форуме в Давосе, Урсула фон дер Ляйен использует пространство, открытое экономическим национализмом Штатов: в то время как «конкуренция между великими державами усиливается», Европа объявляет себя

«открытой для бизнеса» и обращается к Индии и Китаю. С Драконом Брюссель будет стремиться к прагматичным переговорам, вернувшись к некоторым вопросам, оставшимся подвешенными со времён инвестиционного соглашения CAI, которое застыло в Европейском парламенте в 2021 году. Дели же станет местом первого зарубежного визита новой Еврокомиссии. Очевидно, что европейская инициатива использует торгово-экономическую сферу, чтобы уравновесить и ограничить горячность Вашингтона: «*Это новое взаимодействие со странами по всей планете – не только экономическая необходимость, но и послание миру. Это ответ Европы на растущую глобальную конкуренцию*». Подкрепить это призвана ещё одна формула за авторством президента Совета ЕС Антониу Кошты: «*Европа – центр притяжения*», – которая обращена к развивающимся державам, а также к Великобритании и Японии.

Цуй Хунцзянь из Пекинского университета иностранных исследований, который готовит дипломатических работников, даёт одну из самых точных оценок европейского маневрирования. По его мнению, фон дер Ляйен «*разыграла китайскую карту*» на двух столах: в отношении США, чтобы подтолкнуть их к более проевропейской политике, и в отношении Китая, чтобы заманить его пространством для сотрудничества. Однако корректировка будет «*тактической*», а не «*структурной*», поскольку европейские возможности для манёвра ограничены. Трёхсторонние отношения между США, ЕС и Китаем становятся всё более сложными. Трамп может подтолкнуть развитие китайско-европейских связей, но это будет зависеть от степени координации между США и Европой; пока что атлантические тренды в любом случае заставляют ЕС «*пересматривать своё стратегическое балансирование между Китаем и США*».

Китай сдержанно ответил на пошлыны США, оставив за собой возможность вести переговоры в более комфортных условиях. Китайская многосторонняя линия обращена к Европе и выражается в претензии на лидерство в многополярных тенденциях, противостоящих амбициям «*новой формы американского превосходства*». Это не исключает, однако, того, что Китай может снизить свою активность по пересмотру порядка, чем занялись уже сами Штаты со своим «*Sonderweg*», одиноком путём. Тем самым Пекин передал бы Вашингтону бремя разрушения международных институтов и норм.

В Пекине, по мнению Ван Вэня из Института Чунъян, Трампа будут называть «*Чуань Цзяньго*» – «*помогающий построить более сильный Китай*» («*Валдай*», 21.01.2025): во время своего первого срока он помог разрушить иллюзии о США, ускорить китайские технологические инновации и расширить торговлю с другими странами.

Точно так же, добавляем мы, и Брюссель мог бы задуматься о перевооружении Европы и связей с Индией, Китаем и Японией.

В Токио европейская линия может быть воспринята с большим стратегическим пониманием. Японская пресса наиболее внимательна к «*трещинам в системе альянсов*» и к формам, которые заокеанский «*упадок*» может придать *кризису порядка*. По мнению *Nikkei*, если послевоенный «*порядок*» «*разрушится*», мир будет отброшен назад в «*эпоху хаоса и войны*»; и Япония «*не должна спускать флаг свободной торговли*».

По мнению *Japan Times*, Токио «*не должен быть пассивным*», а должен взяться за развитие многосторонних связей в рамках IPEF (Индо-Тихоокеанская экономическая структура) с США, Кореей, Индией и Индонезией, соглашения JEERA (Соглашение об экономическом партнёрстве между Европейским союзом и Японией) с Европой и СРТПП (Comprehensive and Progressive Agreement for Trans-Pacific Partnership), транстихоокеанского соглашения, спасённого Японией после ухода Трампа в 2017 году и превращённого в инструмент Страны восходящего солнца. «*Коалиция желающих*» должна будет призвать Японию к многосторонним экономическим связям, но Токио, тем не менее, также «*удвоит*» военные усилия по собственному усилению в рамках союза с Вашингтоном и возобновит политические связи с Пекином. Премьер Сигэру Исиба не хочет быть застигнутым врасплох возможными «*различными соглашениями*» между США и Китаем. Поэтому было бы целесообразно использовать СРТПП в качестве стратегической платформы: с одной стороны, благодаря связям с Европой, уже закреплённым в ядре JEERA и предвосхищённым вступлением Великобритании в декабре; с другой стороны, благодаря кандидатуре Китая на членство в СРТПП, пока находящейся на предварительной стадии.

Наконец, обзор *New York Times* о многополярных силах, пробуждённых Трампом, заканчивается тем, что Индонезия и нефтяные державы Персидского залива присматриваются к Индии, чтобы сбалансировать свои стратегические возможности, а китайский Дракон плавает в тёплых морях: в мае АСЕАН встретится с Советом сотрудничества стран Персидского залива в Маниле, причём гостем встречи будет именно Китай. Джакарта, по сообщениям, присоединилась к БРИКС с согласия Индии и при поддержке Японии. Между Индией и Индонезией происходят и другие движения: Прабово Субианто посетил Дели, чтобы «*замкнуть круг от Бандунга до расширенного БРИКС*», сообщает *The Hindu*. Но на этом мы остановимся.

Трамповское «искусство сделки» предполагает его инстинктивное умение вести двусторонние переговоры с каждым участником по-отдельности. Но непредвиденный результат всегда является итогом сложного «параллелограмма сил».

Lotta comunista, февраль 2025 г.

Арриго Черветто
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБОЛОЧКА

326 страниц,
мягкий переплёт, примечания,
биографический справочник,
алфавитный указатель.

ISBN: 978-2-912639-28-8

Цена 250 руб.

Криптовалюты, тарифы, нефть и расходы в указах Трампа

Дуглас Ирвин, экономист и историк американской торговой политики, в статье для Института Петерсона пишет, что тарифы, объявленные Дональдом Трампом, в случае их реализации станут «историческим событием в аналах торговой политики США» и «одним из крупнейших повышений торговых налогов в истории США: чтобы найти сопоставимые повышения тарифов, придётся вернуться почти на столетие назад».

Ирвин просто придаёт историческое измерение запланированным мерам. Однако шок и замешательство, вызванные ими, особенно среди союзников Вашингтона, проистекают из того факта, что объявленные тарифы сопровождаются потоком президентских указов и деклараций, которые знаменуют собой глубокий политический разрыв как в балансе внутренних институциональных полномочий, так и в балансе между державами. Переломный момент был ожидаем, но скорость и ярость нападков Белого дома определяют сценарий эпохального изменения межимпериалистических отношений.

Исторические тарифы США

В качестве критериев для оценки тарифов Трампа Ирвин указывает на три пика процесса введения пошлин в период империалистического подъёма Америки. Тариф Мак-Кинли 1890 года, продвигаемый будущим президентом Уильямом Мак-Кинли (фаворитом Трампа) и ставший, как пишет Ирвин, одной из причин депрессии 1893–1896 гг.; тариф Фордни – Маккамбера, введённый президентом Уорреном Гардингом в 1922 году с целью обратить вспять снижение торговых тарифов, осуществлённое в 1913 году президентом Вудро Вильсоном; Тариф Смута – Хоули, принятый президентом Гербертом Гувером в 1930 году, когда мировая экономика скатывалась к Великой депрессии. Автор подчёркивает, что все эти тарифы были одобрены республиканскими конгрессами и подписаны президентами-республиканцами.

Следуя за подсчётами Ирвина, нужно иметь в виду, что сегодня соотношение импорта и ВВП США (14 %) более чем вдвое превышает этот показатель во времена тарифа Мак-Кинли и что на протяжении всего XIX века тарифы обеспечивали более 3/4 налоговых поступлений Америки, поскольку подоходный налог был введён только в 1913 году. Золотой век, который обещает Трамп, опирается на эту модель.

Как в 40-х

Ирвин отмечает: во-первых, тарифы, объявленные Трампом 1 февраля, затрагивают статьи импорта, составляющие 4,8 % американского ВВП, что в три раза превышает долю ВВП, затронутую законом Смута – Хоули (1,4 %), и примерно вдвое превышает долю, затронутую законом Мак-Кинли (2,7 %); во-вторых, средний тариф, предусмотренный для импорта, облагаемого пошлиной (17,3 %), по-прежнему значительно ниже трёх исторических тарифов (составляет от половины до трети от них); в-третьих, среднее повышение тарифов Трампом по сравнению с теми, которые действовали до сих пор (+10 %), почти равно повышению, введённому Мак-Кинли, и вдвое больше, чем повышение по закону Смута – Хоули; в-четвёртых, Ирвин считает, что если они будут полностью реализованы – при том, что они не включают ни ожидаемые пошлины на

европейские товары, ни монструозные планы «взаимных тарифов», – то тарифы Трампа станут самыми высокими со времён второй мировой войны. Ирвин прогнозирует, что тарифы США установятся на уровне 1940-х гг., примерно на уровне общего импортного тарифа США 1943 года (10 %) и среднего импортного тарифа 1947 года (17 %).

Энергетическое доминирование

В первый день своего пребывания в должности Трамп отменил 78 указов своего предшественника Джо Байдена и начал издавать десятки своих указов. Давайте кратко рассмотрим экономическую политику, предложенную в этих указах за первый месяц второго срока Трампа.

Наряду с тарифной войной, которая рассматривается в нашей газете отдельно, первостепенное значение имеет неистовое стремление Америки к «энергетическому доминированию» в области ископаемого топлива и окончательный отказ от реструктуризации электроэнергетики, предполагающей переход на возобновляемые источники энергии. Трамп во второй раз выводит Соединённые Штаты из Парижского соглашения об изменении климата и «любого аналогичного соглашения, пакта или обязательства», немедленно отменяя «любые предполагаемые финансовые обязательства, принятые Соединёнными Штатами» в рамках ООН. Организация Объединённых Наций на протяжении десяти лет руководила процессом глобальной конверсии электроэнергии, неловко помещая его под знамя спасения планеты: мы были одними из первых, кто разработал это «экологистское мошенничество», как сегодня мы разоблачаем мошенничество Трампа, который под предлогом «национального чрезвычайного положения в энергетике» стремится к союзу с двумя другими нефтегазовыми сверхдержавами: Россией и Саудовской Аравией – за счёт стран-потребителей энергии и ресурсов истекающей кровью Украины.

Среди многочисленных целей, изложенных в указе президента об «освобождении энергетике Америки», – разведка и добыча энергии «на федеральных землях и водах, включая Внешний континентальный шельф», а также отмена «требований к электроавтомобильным и мер, ограничивающих «продажу автомобилей с бензиновым двигателем». Конкретный указ президента нацелен на разработку недр Аляски с помощью «проектов по лизингу энергетических и природных ресурсов», отдаёт «приоритет развитию потенциала сжиженного природного газа» и мобилизует необходимые средства «для немедленной реализации разработки и экспорта энергетических ресурсов из Аляски». Меморандум предусматривает временный отзыв лицензий на производство ветровой энергии на шельфе, при этом подтверждая их действие на добычу нефти и полезных ископаемых. Наконец, указом от 14 февраля был создан Национальный совет по доминированию в энергетике, которому было поручено найти средства, «которые позволят Америке стать гегемоном в энергетическом секторе». Председателем органа станет министр внутренних дел, который в этом качестве войдёт в состав Совета национальной безопасности.

Неудержимые траты

Законодатели-республиканцы опубликовали свой план фискальной по-

литики, который, как сообщает *Wall Street Journal*, предусматривает сокращение расходов минимум на 1,5 трлн долл. в течение десятилетия, максимальное сокращение налогов на 4,5 трлн долл. и увеличение лимита федерального долга на 4 трлн долл., что может хватить на два года. Федеральный долг составляет 98 % ВВП. Расходы на выплату процентов составляют 13 % от общей суммы федерального бюджета, что превышает расходы на оборону (12,5 %) и почти соответствует расходам на Medicare (13,3 %). Однако Трамп не намерен отказываться от возобновления крупных налоговых льгот, введённых в его первый срок.

Создание Департамента эффективности правительства (DOGE) под неформальным руководством Илона Маска призвано ограничить расходы путём административного сокращения госслужащих и переизбытка федеральных расходов. Два миллиардера относятся к сокращению федеральных расходов как к салонной игре. Маск пообещал сэкономить правительству 1 трлн долл., искоренив расточительство и мошенничество.

Неопубликованные методы

Первый шаг Трампа был оспорен в *New York Times* пятью бывшими министрами финансов от Демократической партии (Робертом Рубином, Лоуренсом Саммерсом, Тимоти Гайтнером, Джейкобом Лью и Джанет Йеллен), которые обвинили DOGE в том, что он включил одного из своих должностных лиц в платёжную систему казначейства, нарушив практику, в соответствии с которой управление этой системой остаётся за небольшой группой аполитичных чиновников. Пять бывших министров опасаются риска произвольного и незаконного политического управления этими выплатами. Они утверждают, что ни одни расходы, одобренные Конгрессом, не могут быть проигнорированы. *Wall Street Journal* защищает правительство от подозрений в незаконных действиях, но предполагает, что некоторые решения являются преднамеренными нарушениями закона, призванными вынести некоторые спорные правила на рассмотрение Верховного суда.

Это дело является частью дебатов, разгоревшихся прошлым летом после отмены Верховным судом знаменательного решения 1984 года, известного как «Chevron deference»¹. В то время Суд постановил, что, когда Конгресс принимает неточный или неоднозначный закон, он должен предоставить достаточно места для его толкования правительственному органу, который обеспечивает его соблюдение. Против решения по Chevron уже давно ведёт борьбу часть консервативных активистов, выступающих против чрезмерной свободы, предоставленной «административному государству». Отмена приговора кажется им победой. Теперь DOGE, вероятно, сможет оспорить интерпретации некоторых агентств, которые привели к большим суммам необоснованных расходов.

Washington Post придерживается иного мнения: она просит Трампа уменьшить вмешательство Маска, ограничив его доступ к конфиденциальным документам и не допуская его во внешнюю политику. Газета призывает Трампа вести переговоры о сокращении расходов напрямую с представителями Конгресса. Джефф Безос, владелец *Washington*

Post и Amazon, и другие «великолепные личности» Уолл-Стрит не хотят, чтобы их секреты попали в поле зрения Маска.

Криптовалюты и доллар

Добившись отставки Гэри Генслера, главы SEC и врага криптовалют, Трамп вновь выдвинул лозунг превращения Соединённых Штатов в «мировую столицу криптовселенной». Сектор был одним из самых щедрых доноров его предвыборной кампании. После выборов рыночная стоимость биткоина подскочила на 50 %. 23 января указом Трампа была создана президентская рабочая группа по разработке федеральной сети управления цифровыми активами. Председателя этой группы, в которую, среди прочих, войдут министр финансов и новый глава SEC, намеренно и подчёркнуто называют «царём искусственного интеллекта и криптовалют Белого дома». В указе утверждается «лидерство Соединённых Штатов в области цифровых финансовых технологий» и закладывается основа для союза искусственного интеллекта и криптовалют – двух крупнейших пожирателей энергии. Одним движением пера вычёркиваются проклятия, которые центральные банки в прошлые годы обрушивали на эти спекулятивные инструменты, используемые преступниками ради гарантированной ими анонимности.

Указ запрещает выпуск цифровой валюты центральным банком, оставляя этот инструмент за частным сектором. По словам Лукреции Райхлин, бывшего главного экономиста ЕЦБ и профессора Лондонской школы бизнеса, этот запрет связан с тем, что ФРС не гарантирует анонимность своих криптовалют, что делает их непопулярными.

Заминированная земля

Эйфория Трампа – это эйфория вообращённого. Во время своего первого срока он называл криптовалюты мошенничеством. Но благодаря тому, что эти компании оказали ему спонсорскую поддержку, теперь они могут обращать в свою веру новых последователей. Райхлин видит в самой стабильной категории криптовалютного мира – стейблкоинах, обеспеченных долларами США, некоторые характеристики, которые роднят их с евродолларами, свободными от ограничений ФРС и её защиты и обладающими преимуществом полной анонимности. Райхлин не исключает, что эта стратегия, которую *Les Echos* называет «приватизацией доллара», могла бы стать действенным способом сохранения глобального характера самого доллара. Редакционная статья в *Financial Times* гораздо более осторожна: принятие криптовалют, которое закладывает основу использования этих инструментов для накопления стратегического резерва, в сочетании с галолирующей дерегуляцией и отказом от правил «Базель III» порождает гонку на понижение стандартов регулирования. И это минное поле.

Старый «закон Грешема», финансового агента королевы Елизаветы в XVI веке, гласил, что плохие деньги вытесняют хорошие. Сегодня трудность состоит в том, чтобы определить, какие деньги являются худшими. Неслучайно цена на золото продолжает расти.

Lotta comunista, февраль 2025 г.

1 – Доктрина судебного уважения к административным интерпретациям.

Европейские хроники

Украина: тест для европейского перевооружения

3 февраля новый председатель Европейского совета Антониу Кошта организовал первый для него саммит глав государств и правительств. Это была неформальная встреча, посвящённая вопросам обороны, целью которой было достижение консенсуса и выработка синтеза, который найдёт место в новой Белой книге, планируемой к публикации в апреле, и послужит основой для возможных официальных решений на июньском саммите Европейского совета. Однако в нынешнем контексте речь шла также о том, чтобы «*послать сигнал президенту США: европейцы готовы увеличить военные расходы*» (*Handelsblatt*, 3 февраля).

Британская «перезагрузка»

Особенностью саммита стало присутствие Кира Стармера. Впервые после Брексита премьер-министр Великобритании присутствовал на заседании Европейского совета. По мнению *Le Monde*, это может означать «начало конкретных переговоров по вопросам обороны на фоне возвращения в Белый дом Дональда Трампа» (4 февраля). Открытым остаётся вопрос о том, в какой степени европейские фонды могут быть использованы для закупок военной техники в странах, не входящих в ЕС. По данным французской газеты, нельзя исключать ни участия Великобритании в финансировании военной сферы в рамках Общего рынка, ни возможности военного сближения между Соединённым Королевством и ЕС путём создания европейской опоры в НАТО.

Утечки, которые передала *Times* (5 февраля), также позволяют предположить, что вопрос обороны может стать тем шансом, с помощью которого Великобритания собирается укрепить свои связи с Европой; Лондон и Брюссель могут начать официальные переговоры не только по военным, но и по другим вопросам, включая пересмотр торгового соглашения по Брекситу, которое вступило в силу в 2021 году. Саммит Великобритании – ЕС должен состояться в мае. С другой стороны, такие газеты, как *Daily Telegraph*, *Daily Mail* и *The Sun*, подвергли критике присутствие Стармера на саммите ЕС, и эту тревогу, поднятую евроскептической британской прессой, можно рассматривать как косвенное подтверждение того, что сближение Великобритании и ЕС – это не показной вопрос.

Европейская повестка дня, уже потрясенная заявлениями администрации Трампа в предыдущие недели, покачнулась ещё сильнее 12 февраля, когда новый американский президент после телефонного разговора с Владимиром Путиным и без предупреждения своих союзников объявил о немедленном начале мирных переговоров с целью положить конец войне на Украине.

США: унилатерализм и буллинг

В тот же день министр обороны Пит Хегсет заявил, что возвращение Украины к границам до 2014 года или вступление в НАТО «нереально». Теперь европейцы должны «взять на себя ответственность за традиционную безопасность континента», поскольку любые гарантии Киеву должны будут «подкрепляться европейскими и неевропейскими войсками», но американских войск там не будет. К этому следует добавить язвительную речь вице-президента Джей Ди Вэнса на Мюнхенской конференции по безопасности. Вэнс

После победы ХДС/ХСС на парламентских выборах 23 февраля Фридрих Мерц стал ещё ближе к своей цели – посту канцлера Германии. В случае успеха Мерц, которому скоро исполнится 70 и который не имеет никакого опыта работы в правительстве, возьмёт на себя руководство центральной державой европейского империализма в трудные времена кризиса порядка.

Его путь начался и продолжается в Зауэрланде – лесистом и холмистом регионе между Дортмундом, Кёльном и Касселем, исторически являющемся оплотом ХДС. В биографии Мерца 2025 года «Friedrich Merz: Sein Weg zur Macht» («Фридрих Мерц: Его путь к власти») Фолькер Резинг проследил семейные корни кандидата на пост канцлера. Его отец вырос во Вроцлаве (территория современной Польши) в семье военного священника. После того, как в 17 лет его призвали в вермахт, и он провёл 4,5 года в качестве военнопленного в Грузии, ему удалось добраться до американской оккупационной зоны, где он стал судьёй и принял католичество. Его мать, урождённая Паула Совиньи, происходила из известной семьи из Брилона в Зауэрланде, где её отец долгое время был мэром. Фридрих, родившийся в Брилоне в 1955 году, в прошлом обвиняли в том, что он недостаточно дистанцировался от своего деда по материнской линии, скомпрометировавшего себя нацизмом: изначально будучи членом партии Zentrum, после 1933 года тот приспособился к режиму, став членом НСДАП и поддерживая нацистскую идеологию.

В биографии 2024 года «Friedrich Merz: Die Biographie» журналисты Ютта Фальке-Ишингер и Даниэль Гоффарт рассказывают, что юный Мерц вступил в ХДС из-за своего неприятия волнений 1968 года и, прежде всего, из-за скептицизма по поводу концепции «Wandel durch Annäherung» («Перемены через сближение») и Ostpolitik социал-демократического канцлера Вилли Брандта. По мнению Резинга, именно электоральная борьба с Брандтом на выборах 1972 года политизировала Мерца. Его политическое обучение началось с молодёжных дебатов, организованных в приходском доме Alfred-Delp-Haus. После изучения права Мерц пошёл по стопам отца и выбрал карьеру судьи. Однако, посчитав это слишком скучным, в 1986 году он стал лоббистом химической промышленности, а затем баллотировался на европейских парламентских выборах 1989 года. Будучи членом Европарламента с 1989 по 1994 год, он сразу же добился успеха на выборах в Бундестаг, где его политическая карьера стремительно пошла вверх. В 1998 году он стал заместителем председателя фракции ХДС/ХСС в бундестаге, а в 2000 году – её председателем.

Крупная неудача продолжительностью в 20 лет произошла с ним в 2002 году, когда он проиграл битву за лидерство в партии Ангеле Меркель. Хотя Мерц оставался членом парламента до 2009 года, с 2002 года он всё больше концентрировался на своей работе в качестве юриста и корпоративного консультанта. 2009–2018 годы он посвятил «зарабатыванию денег». В то время он занимал место в нескольких наблюдательных советах, а с 2016 по 2020 год был председателем наблюдательного совета немецкого подразделения американской финансовой группы BlackRock. Частые деловые поездки в Соединённые Штаты позволили Мерцу глубже узнать эту страну и привили ему восхищение энергией и оптимизмом американского предпринимательского духа, а также, добавляет Резинг, определённую симпатию к Рональду Рейгану. Его председательство в Atlantik-Brücke с 2009 по 2019 год имело важное значение для создания сети трансатлантических контактов. Эта организация, основанная в 1952 году гамбургским банкиром Эриком Морицем Варбургом, объединяет деятелей политической и экономической «элиты» Германии и США с целью содействия развитию связей между двумя странами.

Пока Мерц был занят зарабатыванием миллионов, Меркель изменила политическую линию партии. На съезде 2003 года в Лейпциге ХДС одобрила программу неолиберальных фискальных и социальных реформ. Однако, став канцлером в 2005 году, Меркель поняла, что роль «немецкой Тэтчер» с подходом «больше рынка и меньше социальных расходов» не поможет победить на выборах, и отказалась от этой программы. Это решение подверглось критике прежде всего со стороны Wirtschaftsrat (Экономического совета), который представляет интересы немецких предпринимателей. Это гибридная организация: она не входит в партийную структуру, имеет собственную штаб-квартиру, в которой работают около сотни сотрудников, и сеть местных представительств; его председатель кооптируется в руководство ХДС с правом слова, но без права голоса. Wirtschaftsrat был основан в 1963 году Людвигом Эрхардом в качестве противовеса Sozialausschuss – социальным комитетам, которые в настоящее время объединены в Христианско-демократическую рабочую ассоциацию (Christlich-Demokratische Arbeitnehmerschaft, CDA). Критика отказа Меркель от ядерной энергетики в 2011 году и её линии в отношении иммиграции с 2015 года неоднократно повторялась, поскольку эти решения привели к образованию вакуума справа от ХДС, которым смогла воспользоваться АДГ. Wirtschaftsrat был важным местом сбора недовольных, а Мерц избрался как представитель антимеркелевской партии.

Фальке-Ишингер и Гоффарт пишут, что в годы его политического «изгнания» именно Atlantik-Brücke и Wirtschaftsrat предоставили Мерцу площадку для вмешательства в немецкую политику. Тем самым он сохранил возможность возвращения в политику. Когда в 2018 году Меркель объявила, что больше не будет баллотироваться на пост председателя партии, Мерц сразу же выдвинул свою кандидатуру. Таким образом, по словам Резинга, Wirtschaftsrat стал своего рода «боевой группой Мерца». В числе самых ярых сторонников Мерца также был Mittelstandsund Wirtschaftsunion (MIT), представляющий мелких и средних предпринимателей. Несмотря на всё это, Мерцу пришлось предпринять три попытки. Ему удалось стать председателем ХДС только в 2022 году, проиграв в 2018-м Аннегрет Крамп-Карренбауэр и в 2021-м Армину Лашету. Однако он ещё не полностью избавился от тени Меркель.

Когда 29 января 2025 года благодаря голосам АДГ Бундестаг принял антимиграционную резолюцию ХДС, подорвав так называемый Brandmauer – барьер против крайних правых, – недостатка в критике не было, поскольку это было расценено как очередное проявление раскольнического стиля и импульсивности Мерца. Инцидент даже побудил Меркель выступить с заявлением, в котором она обвинила Мерца в нарушении данного им в ноябре прошлого года обещания голосовать только за те законы, которые не требуют для получения большинства поддержки АДГ. Отношение кандидата от ХДС к АДГ остаётся неоднозначным, несмотря на то что его внешнеполитическая линия кажется несовместимой с антиевропеистской и пророссийской линией АДГ.

В своей речи о внешней политике, произнесённой 23 января в Фонде Кёрбера, Мерц заявил, что хочет разработать видение суверенной Европы в тесном сотрудничестве с Францией и Польшей. Он также заявил, что Украина должна «выиграть войну» и что он по-прежнему верит в прочное партнёрство с Соединёнными Штатами, основанное на реализме, а не на романтическом видении трансатлантической дружбы. Чтобы стимулировать торговлю между Европой и Соединёнными Штатами, лидер ХДС хочет заключить новое трансатлантическое торговое соглашение, а пока он предупредил немецкие компании, что инвестировать в Китай – это «большой риск». В ночь выборов Мерц заявил: «Для меня главным приоритетом будет как можно скорее укрепить Европу, чтобы шаг за шагом мы могли достичь настоящей независимости от Соединённых Штатов».

обвинил Европу в предательстве свободы и демократии из-за мер по пресечению деятельности крайних правых партий и правил цензурирования онлайн-платформ.

Европейская буржуазия не сталкивалась столь жёстко со своей военной зависимостью от Соединённых Штатов со времён кровавых конфликтов на Бал-

канах в 1990-х годах, которые мы назвали «войнами за объединение Европы». Политическим результатом тех массовых убийств стало то, что они подтолкнули предложения о создании сил обороны и быстрого реагирования ЕС. Однако впоследствии война в Ираке, начатая США в 2003 году, расколола ЕС, заморозив планы создания континентальной

армии на два десятилетия. Похоже, что дебаты о военной централизации сейчас вернулись к той точке, в которой они находились до 2003 года. Редактор голландской газеты *NRC* (15 февраля) Каролин де Грюйтер рассматривает войну на Украине как «Боснию в квадрате».

Lotta comunista, февраль 2025 г.

ФРИДРИХ МЕРЦ, КАНДИДАТ В КАНЦЛЕРЫ

Распределение голосов на парламентских выборах 23 февраля

	% действительных бюллетеней	Кол-во голосов, млн чел.	Изменение, млн чел.
ХДС/ХСС	28,52	14,16	-2,98
АДГ	20,80	10,33	-5,52
СДПГ	16,41	8,15	+3,75
«Зелёные»	11,61	5,76	+1,05
«Левая»	8,77	4,36	-2,10
Союз Сары Вагенкнехт	4,97	2,47	-2,47
СвДП	4,33	2,15	3,14
Другие	4,58	2,27	1,77
Всего проголосовавших (а)	82,54	49,93	-3,22

Примечание: а) в % от общего числа избирателей.
Источник: Bundeswahlleiterin, 24 февраля.

Российские хроники

История повторяется дважды ...

Богатые природными ресурсами недр, а также относительно неприхотливый, хотя и сокращающийся численно, пролетариат – вот на чём основана реальная экономическая сила российской буржуазии. Но как нам марксистам известно, ещё Фридрих Энгельс обращал внимание на то, что «экономический момент» не является «единственно определяющим» в ходе «исторической борьбы». На неё оказывает влияние и «государственный строй», и «даже отражение всех «действительных битв в мозгу участников, политические, юридические, философские теории, религиозные воззрения и их дальнейшее развитие в системе догм»¹.

Речь идёт об отражении конкретно исторических фактов в сознании конкретных представителей человеческого рода в конкретный момент истории.

От этого необходимого теоретического пояснения перейдём к рассмотрению того, как отражаются конкретные факты текущего момента противостояния империалистических держав в коллективном сознании российского правящего класса.

Сначала о фактах

Три года назад российский империализм начал полномасштабную империалистическую войну против Украины. Это привело к гибели сотен тысяч человек, многие населённые пункты были стёрты с лица земли, миллионы человек покинули свои дома.

Этим неопровержимым конкретно историческим фактам предшествовали другие упрямые факты: крах фальшивого социализма СССР, который не выдержал конкуренции с более развитым капитализмом США; процесс объединения и расширения европейского империализма, который происходил не только за счёт государств, которые ранее входили в сферу влияния Москвы, но и за счёт тех, которые появились на карте мира в результате распада СССР. И здесь следует обратить внимание на ещё один конкретно исторический факт: границы СССР к моменту его распада, его сфера влияния в Европе (так называемый «социалистический лагерь») были продуктом ещё одного конкретно исторического факта – второй мировой войны и осуществлённого по её итогам империалистического раздела, который буржуазия победивших в этой войне государств назвала *ялтинским порядком*.

Трагедия Ялты

Сложившийся в результате ялтинского раздела «порядок» представлял собой временное неустойчивое равновесие крупнейших империалистических держав. Не могло быть ничего иного в условиях *неравномерного капиталистического развития*: этот «порядок» вышел из войны, которая являлась продуктом неравномерного капиталистического развития, он сопровождался локальными войнами, которые порождало неравномерное капиталистическое развитие, он пришёл в кризис в результате неравномерного капиталистического развития.

Сотни войн и миллионы погибших, непрерывная борьба за сферы влияния, рынки сбыта и источники сырья – вот действительное содержание ялтинского «порядка». Во многих из этих войн прямо или опосредованно был задействован империализм СССР. Для внутренней публики это неустойчивое равновесие преподносилось как внешнеполитическое достижение «миролюбивой» политики Кремля, которую его идеологическая прислуга назвала «сосуществованием

двух систем». В действительности же в лучшем случае можно было говорить о *вынужденном сосуществовании* нескольких империалистических хищников, отрастивших ядерные клыки. Этим хищникам было что делить, подтверждением тому является в том числе Карибский кризис. Это нашло отражение в идеологии российской буржуазии. «Холодный» характер конфронтации был обусловлен не джентльменским соглашением, а появлением ядерного оружия, гарантировавшего уничтожение обоих противников и всего человечества в новой мировой войне», – эта цитата взята из статьи, опубликованной Центром Карнеги 26 апреля 2021 года и написанной совместно Андреем Колесниковым и Дмитрием Трениным... Сегодня, сложно представить такое мирное сосуществование «двух систем». Первый – либеральный критик путинской политики, второй – её апологет. Но не стоит удивляться, перемена идеологических фронтов и знамён – неотъемлемая черта капиталистического способа производства, в котором всё продаётся и всё покупается.

В этой же статье читаем: «Признание безальтернативности сосуществования непримиримых противников в ядерный век стало своего рода «большой сделкой»».

Роль ядерного оружия в обеспечении «долгого мира» так называемой «холодной войны» явно преувеличена. Наличие или отсутствие того или иного вида оружия массового поражения не способно ни вызвать, ни остановить войну. Но это тема для отдельной статьи.

Фарс Ялты

Война на Украине продолжается. Одеты в камуфляж молодые и не только молодые пролетарии продолжают убивать друг друга в интересах капитала или в лучшем случае бегут от этой войны. В то же самое время находятся идеологи правящего класса, которые утверждают, что нас ждёт *новая Ялта*.

В основе любых, даже ошибочных, выводов лежат конкретные исторические факты. Утверждение о новой Ялте подразумевает новый империалистический раздел сфер влияния. Может ли таковым стать сделка, которую президент США Трамп предлагает российскому президенту Путину? Можно ли сравнивать то, что произошло в 1945-м с тем, что ещё не случилось, но якобы может случиться в 2025 году?

С 1941-го по 1945 год «жёсткая сила» империализма Кремля была необходима Вашингтону и Лондону для противостояния с Берлином и Токио. Это была война между империалистическими хищниками за передел рынков и сфер влияния.

Генри Киссинджер в своей фундаментальной работе «Дипломатия» рассказывает: «В октябре 1944 года Черчилль отваялся на почти что донкихотское предприятие – решить напрямую со Сталиным вопросы будущего Восточной Европы. [...] Черчилль составил проект договорённости о разделе сфер влияния и вручил его Сталину. Там он обрисовал разграничение в форме процентов: Великобритания получала 90% в Греции, а Советский Союз – 90% в Румынии и 75% в Болгарии; Венгрия и Югославия были поделены по принципу «50:50». Сталин принял этот проект с ходу – хотя Молотов, в лучших советских традициях торгова барышников, во время диалога с Иденом сумел таки урезать британские проценты, выцыганив для Советского Союза большую долю в каждой из восточноевропейских стран, исключая Венгрию»².

Соизмеримы ли масштабы этого торгова империалистических хищников с ещё не состоявшимся разделом Украи-

ны? Можно ли сравнить *полтора часов* телефонный звонок Трампа Путину с продолжавшимся *восемь дней* визитом Черчилля в Москву, то есть в гости к своему *союзнику-противнику*. Имеет ли смысл сравнивать продолжавшуюся неделю в Крыму – на территории СССР – Ялтинскую конференцию февраля 1945 года с переговорами Лаврова и Рубио в Эр-Рияде 18 февраля 2025-го?

В ялтинском разделе 1945 года Вашингтон использовал великодержавные амбиции Сталина для того, чтобы разделить Европу. Путин несмотря на все его великодержавные амбиции может рассчитывать лишь на раздел Украины. Изменение масштабов отражает сокращение действительного веса российского империализма.

Магия цифр и дат

Политические цифры были и остаются орудием в противостоянии деятелей правящего класса, фракций капитала и государств. В торге со Сталиным более опытный в капиталистических сделках Черчилль хитро использовал *политические цифры*. В уже упомянутой книге Киссинджер делает следующий комментарий: «Никогда ещё сферы влияния не определялись в процентах. Не существовало никаких критериев соответствия или средств контроля за соблюдением принципа долевого дележа. Влияние всегда определялось присутствием соперничающих армий»³.

Кто кого обхитрил в телефонном разговоре Трампа и Путина? Время покажет. Но и здесь не обошлось без магии политических цифр и дат. Сталин сравнивал себя с дошедшим до Парижа императором Александром I, а генералы США тешили его самолюбие⁴. Путину явно хотелось бы погреться в лучах сталинской славы. По случаю 75-летия победы над Германией во второй мировой войне он писал: «Державы-победительницы оставили нам систему, которая стала квинтэссенцией интеллектуальных и политических исканий нескольких столетий. [...] Главное историческое достижение Ялты и других решенных того времени заключается в согласии создать механизм, который позволил бы ведущим державам оставаться в рамках дипломатии при разрешении возникающих между ними разногласий» («Российская газета», 19.06.2020). 80-летие Ялтинской конференции магически перемешивает в сознании российского президента желаемое с действительным. Трамп, по всей видимости, учёл этот аспект психологии Путина.

Иллюзорное восприятие действительности и своего места в ней толкнуло российскую буржуазию к началу войны на Украине. Те же самые иллюзии погружают её в мечты о новой Ялте. Неудивительно, Ялта – это *высшая точка* в коллективном самосознании мнимого величия российской империалистической буржуазии. Именно в Ялте Сталин сидел за одним столом с двумя другими ведущими империалистическими разбойниками того времени и делил мир по силе. Для нас это *низшая точка* пролетарского интернационализма.

Буржуазная действительность и классовое сознание пролетариата

За идеологическими ширмами скрывается обыденность буржуазной действительности: рынки, торговля, экспорт и привлечение капиталов, санкции, ставка ЦБ. И в этой действительности, несомненно, существуют фракции и группы российского капитала, которые хотели бы воспользоваться моментом для того, чтобы разомкнуть удушающие объятия китай-

ского империализма, в которые Кремль бросил себя с началом войны. Неслучайно, что в Эр-Рияде присутствовал близкий к семье Путина генеральный директор РФПИ Кирилл Дмитриев, он же «*гарвардский мальчик*», он же «*джентльмен из России*» («Новая газета Европа», 18.02.2025). Нельзя исключить и того, что кто-то из представителей российской буржуазии хотел бы прислушаться к размышлениям Киссинджера и добиться стратегического партнёрства с Вашингтоном, тем самым, против которого Кремль, если верить не только Караганову и Тренину, но и Лаврову и Путину, ещё недавно вёл *священную антиколониальную войну за новый мировой порядок*. Но не стоит так сильно привязываться к словам, ведь главный принцип капитализма, этого *бездушного чистогана*, – это отсутствие принципов.

Очевидно, что в России кто-то смотрит на Трампа как на золотую рыбку. Неслучайно близкий к Путину главный редактор журнала «Россия в глобальной политике» Фёдор Лукьянов предупреждает: «Среди мирового большинства сложилось представление о России как о субъекте, прежде всего ищущем признания Запада, в том числе через конфликт. Соответственно, как только западные страны, сменив гнев на милость, обращаются к России, она тут же отворачивается от всех остальных, устремляясь к новым отношениям с партнёрами её мечты». [...] Если Москва действительно поведёт себя в соответствии с этим стереотипом, это станет едва ли не фатальным для будущей её политики» («Профиль», 24.02.2025).

Дилеммы российской буржуазии более или менее ясны. А что же думает об этом российский пролетариат? К сожалению, нам нечего добавить к тому, что на подобный вопрос Фридрих Энгельс ответил 12 сентября 1882 года Карлу Каутскому: «То же самое, что они думают о политике вообще; то же самое, что думают о ней буржуа. Ведь здесь нет рабочей партии»⁵.

Март 2025 г.

1 – Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. Соч. Изд. 2-е. Т. 37. С. 394–395.

2 – Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997. С. 371.

3 – Там же. С. 371–372.

4 – Там же. С. 357.

5 – Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. Соч. Изд. 2-е. Т. 35. С. 297.

Арриго Черветто МНОГОПОЛЯРНЫЙ МИР

2006, 352 страницы, суперобложка,
21 карта по тексту, примечания,
биографический справочник,
библиография,
хронология 1990-1995,
алфавитный указатель.

ISBN: 2-912639-21-2

Цена 300 руб.

О смысле и содержании консервативной внешней политики Кремля

«Фундаментальной ошибкой российской внешней политики с середины 1990-х была заикленность на проблеме расширения НАТО. [...] военно-политические шаги Москвы в ходе украинского кризиса вдохнули новую жизнь в НАТО, помогли возродить образ России как военного противника Запада. Возрождение этого образа четверть века после окончания холодной войны является стратегическим поражением России.

[...] Преувеличенное значение, придаваемое расширению НАТО, оказало решающее влияние на политику России в отношении Украины. Именно политика на украинском направлении стала примером наиболее серьёзных ошибок последних лет. [...] Помимо неоправданного страха перед продвижением НАТО причина ошибок коренилась в неверном представлении Кремля об устремлениях украинских элит и о характере украинского общества. Считалось, что украинские элиты было можно кооптировать в евразийский интеграционный проект и что украинцы и русские – две ветви единого народа – это поддержат».

Эти выводы о внешней политике России были сделаны не сегодня и даже не после вхождения в НАТО Швеции и Финляндии. Они были опубликованы 14 августа 2019 года в газете «Ведомости» и являются размышлениями о двадцати годах внешней политики Владимира Путина. Автор статьи – не кто иной, как Дмитрий Тренин, тогда директор Московского центра Карнеги, а после вторжения на Украину один из адептов «экзистенциальной войны» против «коллективного Запада».

Он не одинок. Сергей Караганов, ещё несколько месяцев назад грозивший Западу ядерной огненной гееной, но в последнее время поухиший, 8 февраля 2008 года в статье «Борщ с пампушками» в «Российской газете» рассуждал: «Не думаю, что возможное расширение НАТО [за счёт Украины] приведёт к качественно увеличению военной угрозы России».

Чего изволите?

На такую гибкость взглядов и такие резкие повороты способны только представители класса беспозвоночных.

Есть ли хребет у российской внешней политики? Ответ на этот вопрос произведен от ответа на вопрос о наличии хребта у класса российской буржуазии. Этот класс всегда следовал за ветрами мировой политики: поворачиваясь на Восток, обиженно отворачиваясь от Запада, когда там поднимались зелёные знамёна энергетического перехода; обьявлял курс на дедолларизацию экономики, после того как его лишали долларов и т. д. Он мечтал быть прибыльным мостом между Азией и Европой, но сам же подрывал этот мост, перекрывая вентили газопроводов. Развязанная российской буржуазией война на Украине могла стать актом публичного самоубийства, но от этого её может спасти Трамп. Какую цену за эту услугу попросит вашингтонский воротила? Время покажет. Возможен возврат американского капитала в российский сырьевой сектор, причём на максимально выгодных для Вашингтона условиях. Возможна договорённость о «внешнеполитической дружбе» против кого-то. Против Китая? А может против Европы? Последнее, несмотря на все прошлые исторические, культурные и экономические

связи, сегодня кажется весьма вероятным вариантом.

Туман войны

Пропагандистское обоснование разрыву с Европой идеологическая прислуга Кремля готовит давно. «Европа находится в наиболее уязвимом положении. [...] Поэтому по мере того, как Европа будет всё больше проникаться отсутствием у США даже минимального намерения учитывать интересы союзников в своём стратегическом планировании, стоит ожидать не смягчения, а ужесточения антироссийской и антикитайской риторики со стороны европейцев», – писал 29 сентября 2021 года руководитель исследовательских программ Совета по внешней и оборонной политике (СВОП) Тимофей Бордачёв. Этой же линии Кремль, в том числе в лице своих публичных лидеров Путина и Лаврова, последовательно придерживается и с начала войны на Украине.

«В европейский «цветущий сад» пришёл садовник Дональд Трамп. Публичный разгром украинского лидера Владимира Зеленского в Белом доме, конечно, поражает накалом политического шоу. Но жалкий вид Кира Стармера и Эмманюэля Макрона [...], умоляющих американцев продолжать войну в Европе, стал куда более страшной иллюстрацией деградации Старого Света», – пишет 1 марта этого года «Монокль», журнал-блеститель линии экономического национализма. Уже цитировавшийся Бордачёв придерживается той же тональности: «Макрон представляет собой идеального кандидата на то, чтобы подписывать своего рода капитуляцию Европы по итогам текущего военно-политического кризиса вокруг Украины. Мало у кого есть сейчас сомнения в том, что будет два победителя – это Россия и США, и два проигравших – Европа и несчастная Украина» («Взгляд», 28.02.2025). Председатель президиума СВОП Фёдор Лукьянов также не видит перспектив европейской стратегической автономии: «У такого разношёрстного конгломерата стран не может быть единой воли без внешнего патронажа, особенно в условиях повсеместной нестабильности и объективного несовпадения интересов внутри. [...] Так что всё зависит от того, чем закончится процесс между Россией и США. А Мерц подстроится» («Россия в глобальной политике», 25.02.2025). Впрочем, Лукьянов не исключает и возможность того, что «Европа всё же попытается объединить усилия и противопоставить себя трамповской Америке», но уточняет, что верит в этот вариант с трудом (там же, 1.03.2025).

К еврооптимистам можно с оговорками отнести лишь бывшего генерального директора Российского совета по международным делам Андрея Кортунова. 28 февраля в интервью интернет-изданию «Украина.ру» он высказал предположение о том, «что Брюсселю предстоит несколько сложных и в каком-то смысле рискованных лет», на протяжении которых будет выстраиваться его «стратегическая автономия», но тут же сделал оговорку: «Если вообще это произойдёт, поскольку в самом Евросоюзе на этот счёт единства нет».

Более оптимистично российская буржуазия смотрит на перспективы восстановления экономических отношений с ЕС. Из голосов, достойных внимания, лишь «Монокль» отрицает такую возможность, остальные откладывают её на более или менее отдалённое будущее. Воспоминания о миллиардах евро товарооборота оставили неизгладимый

след. Они прорываются даже через идеологическую завесу. И это неудивительно: война лишь сократила движение товаров и капиталов между Россией и Европой, но не прекратила его. Это весьма показательный факт. Он демонстрирует, что экзистенциальная война – это идеология, то есть самообман части правящего класса России и Европы.

Момент Трампа вызвал шок не только в Европе, но и в России. И, безусловно, оказал влияние на настроения в том числе и тех представителей российской буржуазии, которые на всём протяжении украинской войны мечтали возвращения *business as usual* с Европой. Не исключено, что их мечты реализуются.

Отражение двух зеркал

У белоэмигрантского поэта с голландскими корнями Георгия Иванова есть образ двух зеркал, которые отражают друг друга, при этом искажая отражение. То, что Россия и Европа вынуждены смотреть друг на друга, это неоспоримый географический факт. Как неоспоримо и то, что туман войны искажает отражение действительности. Отражение – это не пассивный акт абстрактного чувственного восприятия, но активное действие конкретно исторических субъектов. Изменение конкретных исторических условий может изменить восприятие.

В российской идеологии Европа всегда воспринималась через дихотомию «свой – чужой». Российский правящий класс всегда ощущал себя частью Европы, но в то же время обособливался от неё. Через это диалектическое единство в борьбе со своей собственной противоположностью происходило его развитие. Даже русские реакционеры всегда воспринимали себя не иначе как через противопоставление Европе, как анти-Европу. Славянофилы тосковали по Европе до эпохи просвещения. Идея Москвы как Третьего Рима содержит в себе стремление сделать Россию правопреемницей истинной Европы христианства. Что уж говорить о революционной мысли, которая от Радищева до Ленина, от декабристов до народолюбцев последовательно развивает европейское наследие в конкретно-исторических условиях российской отсталости.

Ай, Моська!

Символом начала эмансипации России от «коллективного Запада» и его «либерального порядка» считается речь Путина на Мюнхенской конференции по безопасности 2007 года. Истинное удовольствие российским националистам и консерваторам доставила речь вице-президента США Джей Ди Вэнса на аналогичном форуме этого года. «Находящиеся в состоянии клинча с либеральным миропорядком Москва и Вашингтон могут невольно оказаться ситуативными союзниками, нуждающимися друг в друге гораздо больше, чем это было в первый срок правления Трампа», – написала по данному поводу 16 февраля некогда либеральная газета «Коммерсантъ». «Вашингтон берёт на себя роль защитника «истинных» западных ценностей, которые, по мнению администрации Трампа, оказались под угрозой из-за либерального курса ЕС», – восхищаются 20 февраля «Ведомости», которые также распрощались с либерализмом и перешли к защите традиционных ценностей.

Российской буржуазии не привыкать совершать развороты над Атлантикой. Но они были, есть и будут реакцией, а не самостоятельной стратегией правящего класса. Объяснение этому дают его идеологи. «Консервативная внешняя политика», – писал 21 октября 2021 года Бор-

дачёв в статье на сайте Международного дискуссионного клуба «Валдай», – представляет собой «способность постоянно гибко реагировать на действия других значимых держав или структурные изменения в международной политике». Причём он называл это стратегией «выживания», которая неизбежно связана с «ограниченностью ресурсов».

Как бы ни тужилась российская буржуазия, ей приходится в конечном итоге признавать свою слабость. И кто знает, нет ли в планах Трампа желания воспользоваться лаем кремлёвской Моськи на европейского слона для восстановления трансатлантических отношений на новых, более выгодных для Вашингтона условиях? Такой вариант нельзя исключать априори.

Классовая память

Как бы то ни было, в Кремле головокружение от успехов уже сменяется горьким похмельем от осознания глубины демографической и экономической ямы, в которую он сам себя загнал.

Осознаёт ли что-то российский пролетариат – это отдельная тема. Но сжатие его доходов, в том числе под давлением роста инфляции, уже началось. Есть признаки региональных и отраслевых кризисов, например, в угледобывающем Кузбассе. Шахтёры наверняка не забыли 1989 год, ставший своего рода спусковым крючком распада СССР; помнят они и о рельсовой войне 1998 года.

Империалистическая война, развязанная российской буржуазией, была оплачена жизнями и кровью сотен тысяч пролетариев. Та же самая буржуазия намерена возложить на пролетариат и издержки империалистического мира. Российскому пролетариату предстоит сложный путь восстановления классового сознания и революционной партии.

Март 2025 г.

В. И. НЕВСКИЙ История РКП(б). Краткий очерк.

Издательство
АНО «ЦМИ «Новый Прометей»»,
2009 804 страницы,
твёрдый переплёт,
автобиография автора,
приложения,
статьи В. И. Невского
«Ленин как материалист
в своих ранних работах»,
«Философия мёртвой реакции»,
карты, схемы и иллюстрации,
примечания, хронология,
библиография,
биографический справочник,
справочник периодических изданий

ISBN: 978-5-9901606-1-3

Цена 450 руб.

Корейский кризис и японская гибкость

«Чунъанъ ильбо», ежедневная газета, связанная с группой Samsung, со вторым по величине тиражом в Южной Корее, пишет, что «тщательная подготовка» Токио к переговорам 7 февраля в Вашингтоне между премьер-министром Сигэру Исибой и Дональдом Трампом, «направленная на смягчение возможных последствий пресловутой» и хвалёной «непредсказуемости» президента США, «даёт ценные уроки» Сеулу. Сегодня Южная Корея переживает самый тяжёлый политико-институциональный кризис со времен декабрьского переворота 1979 года: импичмент и арест за «мятеж» президента Юн Сок Ёля после попытки ввести военное положение и заблокировать парламент 3 декабря.

Международные СМИ расценили действия Исибы как «мастерское упражнение в дипломатии лести», направленное на завоевание «благосклонности Трампа». Однако, с точки зрения «Чунъанъ», свойственную ему «дипломатию вежливости» нельзя сводить к «полной покорности» или «лести». «Бамбук, который сгибается перед бурей», – гласит японская поговорка, – сильнее дуба, который сопротивляется ей». Не обращая внимания на относительно слабую внутреннюю позицию, Исиба выбрал линию наименьшего сопротивления в отношениях с Трампом. «Вакуум власти», – продолжает газета, – вынуждает Сеул видеть в Токио свой «канал связи» с Вашингтоном, пользуясь укреплением двусторонних отношений, начавшимся, как это ни парадоксально, с президентства Юна. Однако «зависимость от Японии в представлении корейских национальных интересов имеет чёткие границы». К ним относится риск того, что эти интересы окажутся под диктовкой договорённостей между Вашингтоном и Токио.

Трамповская «К-драма» в Сеуле

Согласно различным реконструкциям, как корейским, так и международным, неудавшийся государственный переворот президента Юна в начале декабря выглядит как местный вариант атаки сторонников Трампа на законодательный орган США в январе 2021 года. Юн – бывший мировой судья с репутацией «неподкупного» человека, ведший судебное преследование и отправивший в тюрьму двух президентов-консерваторов, Ли Мён Бака и Пак Кын Хе. Он стал кандидатом от той же консервативной Партии народной власти, опираясь на судебный популизм, не лишённый ностальгии по военным режимам, находившимся у власти с 1960-х по 1987 год, воплотителям экономического чуда Сеула. К своим сторонникам, как пишет *Le Monde*, Юн причисляет движение евангелического пастора Чон Кван Хуна, «ведущего выразителя новых корейских правых», яростно враждебных как режиму в Пхеньяне, так и «южнокорейским левым», которых они считают «вассалами» северного соседа.

В 2022 году Юн завоевал президентское кресло, опередив левоцентристского кандидата Ли Чжэ Мёна всего на 1%. В 2023 году, когда его популярность упала, при отсутствии права переизбираться, он собирался ввести военное положение, чтобы «поставить парламент под свой контроль», особенно после потери большинства в апреле прошлого

года, продолжает газета *Transalpine Daily*. То поражение Юн якобы считал результатом мошенничества, проведённого оппозицией при поддержке Пекина и Пхеньяна. По мнению *Le Figaro*, нельзя исключать, что «уверенная победа» Трампа на выборах в США повлияла на решение Юна о принуждении парламента к сожигательству.

По мнению политического обозревателя Ким О Чжуна, выбор даты 3 декабря для объявления военного положения был одобрен «шаманом из окружения первой леди». Хотя Южная Корея наполовину христианская страна, а сам Юн – католик, шаманизм по-прежнему широко распространён. Также режим Севера в значительной степени использует шаманистско-сталинский синтез для легитимизации династии Кимов. Вся эта история, – пишет консервативная «Чосон ильбо», крупнейшая ежедневная газета страны, – вылилась в «пародию на переворот».

Многие международные наблюдатели увидели в этом «К-драму», подобную южнокорейским дорамам, транслируемым по всему миру такими платформами, как Netflix. В итоге парламент отменил решение президента и отправил главу государства в отставку. По мнению *Japan Times*, часто являющейся неформальным рупором японской дипломатии, «неудачный переворот» 3 декабря свидетельствует о «некомпетентности» Юна и «отсутствии политической хватки». Будучи не в состоянии управлять из центра, президент попытался «обеспечить себе власть и легитимность», чтобы навязать себя законодательному собранию, объявив военное положение. Это «отчаянный» и «неудачный шаг», рискующий подорвать всё то «положительное», что он сделал в укреплении отношений с Токио и Вашингтоном, и нанести ущерб даже национальным интересам Японии.

Цикл «хань» и баланс сил

Эту оценку разделяет Виктор Ча, бывший член Совета национальной безопасности в администрации Буша-младшего в 2006–2008 годах и экс-директор корейской программы CSIS (Центр стратегических и международных исследований): по его мнению, «политическая дисфункциональность» Сеула затянется на большую часть 2025 года, что сделает его «совершенно неподготовленным» к возвращению Трампа, который обещает вызвать «великий тайфун» в торговых и политических отношениях и «перевернуть всю страну».

По мнению Ча, динамика баланса сил оставила свой след в истории Кореи, поскольку в противостоянии Японии, Китая, России и США за контроль над полуостровом она заняла роль «креветки среди китов». Череда корейских «исторических травм», таким образом, подпитывает моральный фактор, обозначенный понятием «хань». Являясь центральным элементом национальной «эмоциональной идентичности», оно может быть переведено как «обида за прошлые несправедливости» и характеризует политическую культуру, ориентированную скорее на «уничтожение противника», чем на компромисс. Несмотря на принадлежность к конфуцианской культурной традиции, отмечает пекинская *Global*

Times, корейцы – один из «самых эмоциональных народов» в регионе.

Исиба и «методичка Абэ»

Оценивая итоги визита Исибы в Вашингтон, крупнейшая японская ежедневная газета «Ёмиури Симбун» отмечает, что премьер в переговорах с Трампом использовал «методичку Абэ». Бывший премьер-министр Синдзо Абэ в своих изданных посмертно мемуарах в ответ на критику, будто он чрезмерно «заискивает» перед обитателем Белого дома, утверждал, что прибегание к «лести» доказало свою эффективность в качестве «дипломатического инструмента»: обращение к «логическим или политическим аргументам [которые] не нравятся Трампу» не будет отвечать национальным интересам Японии и рискует испортить двусторонние отношения. Основываясь на личном опыте, Абэ также высказывал предположение, что за «своей полной крайностью риторикой» Трамп «блефует». Заявляя, что его натолкнула на эту мысль «теория безумца», сформулированная Ричардом Никсоном, Абэ полагает, что президент США «тайне боится» прибегнуть к военной силе и «в случае крайней необходимости может пойти на попятную». Короче говоря, он вдвойне ненадёжен.

По мнению Исибы, цель саммита – добиться признания «искренних усилий» Японии по обеспечению «регионального мира и стабильности» и рассказать о «важности многосторонних рамок, таких как Quad – с США, Индией и Австралией – или соглашения, заключённые между Вашингтоном, Токио, Сеулом и Манилой». Трамп ставит в заслугу Исибе то, что он вместе с Абэ инициировал процесс перевооружения Японии, хотя эта программа была определена премьер-министром Фумио Кисидой к концу 2022 года. Тем не менее, Трамп стал первым президентом США, который ступил на один из действующих авианосцев Токио и подписал сделку по продаже истребителей F-35 для их оснащения.

Как видно, с японской стороны в ходе обсуждения вопроса о принятии на вооружение противоракетного потенциала и большей автономии Токио в двустороннем союзе с Вашингтоном с 2017 года учитывались как усиление Китая, так и нарастание американских политических конвульсий. По мнению газеты «Ёмиури симбун», достижение согласия с Японией удержало бы Трампа от оспаривания военных гарантий США для получения торговых уступок. Угроза, возникшая уже во время его первого срока, также направлена против Сеула.

Демонстрации упадка и ядерные предложения

Лондонский IISS (Международный институт стратегических исследований) отметил, что японский премьер приехал в Вашингтон, имея возможность положить на стол переговоров факт работоспособности ракетных комплексов Type-12 собственного производства, дальность которых была увеличена с 250 до 1000 км; их серийное производство было включено в оборонный бюджет на 2025 год, увеличенный до 60 миллиардов долларов США. Согласно «Ёмиури симбун», Исиба, дебютировавший на посту премьера во главе правительства меньшинства, теперь обретает опору благодаря сочетанию внешних и

внутренних обстоятельств. Успешная встреча с Трампом позволяет ему ослабить соперничество внутри ЛДП и даёт возможность заручиться поддержкой части оппозиции для принятия законопроекта о бюджете. Даже препятствие в виде выборов в верхнюю палату парламента, намеченных на июль, не станет непреодолимым. И даже если Трамп отличается своими капризами, продолжает газета, в заслугу ему можно поставить готовность признать «относительный упадок» Америки, что, с точки зрения США, делает «сотрудничество» с Японией «необходимым» для «защиты своих интересов» на фоне усиления Китая.

Издание *Japan Times* полагает, что Исиба принял трамповское понимание «ограниченного сотрудничества», при котором партнёры и союзники просят «больше соизмерять американские национальные интересы со своими собственными», что отражает «реальность уменьшения американского присутствия в мире». Премьер-министр не исключает, что Трамп может стремиться к соглашениям с Китаем. Поэтому Токио также стремится «стабилизировать отношения» с Пекином, что может произойти благодаря саммиту с Си Цзиньпином в мае.

Global Times подчёркивает, что Исиба продемонстрировал способность Японии «выкроить место для выживания» в китайско-американской игре, что предполагает «прагматичный подход» и отстаивание «открытого сотрудничества» между Токио и Пекином. В сеульских дебатах газета «Хан кёре», близкая к левоцентристской оппозиции, утверждает, что защита национальных интересов осуществляется через «солидарность» со странами, получающими выгоду от порядка свободной торговли, от ЕС до самой Японии и Китая.

В прочтении «Чосон ильбо», американские колебания несут не только риски, но и возможности, такие как, например, одобрение развития «независимых ядерных арсеналов» Сеула и Токио. Гипотеза была выдвинута ещё во время первого срока Трампа и поддержана Элбриджем Колби, заместителем министра обороны США. По мнению последнего, Вашингтон не должен возражать против южнокорейских сил сдерживания, которые будут служить противовесом как Пхеньяну, так и Пекину. В начале декабря в журнале *Foreign Affairs* появился аналогичный тезис Роберта Келли и Ким Минхёна, аналитиков из университетов Пусана и Сеула. Небольшой арсенал размеров в сотню боеголовок, подобный израильскому, обеспечил бы «локальное сдерживание», уменьшив бремя, лежащее на США, и экзистенциальные тревоги Южной Кореи. Это позволило бы Сеулу «встать на путь зрелости и стратегической ответственности», чему прежде мешала зависимость от Вашингтона.

Авторы исключают возможность последствий для Японии и Тайваня, учитывая, что Токио уже двадцать лет живёт рядом с арсеналом Пхеньяна, не переступая ядерного порога.

В качестве альтернативы, добавляют авторы, Токио может переступить ядерный порог, не заявляя об этом открыто, в точности следуя модели ядерного сговора («бомба в подвале»), который существует между Вашингтоном и Тель-Авивом.

Рабочая борьба в мире

Забастовка докеров на Восточном побережье

Забастовка в начале октября 2024 года, в которой приняли участие 47 тысяч докеров Атлантического побережья США, вписывается в контекст расширения профсоюзных требований и последующих протестов, охвативших сегодня наш класс в Америке. С неизбежностью это должно было затронуть и ключевой сектор портовой инфраструктуры, учитывая его значение для функционирования экономики первой империалистической державы. «Спящий гигант готов зареветь 1 октября, если соглашение не будет выполнено», – заявил президент Международной ассоциации докеров (ILA).

Более того, не далее как год назад докеры Западного побережья смогли добиться удовлетворения своих довольно смелых требований, несмотря на то, что их борьба происходила полностью изолированно от их товарищей по сектору с Восточного побережья и даже от рабочих канадских портов на Западе.

Три дня забастовки полвека спустя

Центральным вопросом борьбы докеров на Восточном побережье стала заработная плата, наряду с другими не менее важными аспектами, связанными с условиями труда, а также обязательствами сторон переговоров: профсоюза, операторов терминалов и транспортных компаний. На атлантическом побережье докеры не бастовали с 1977 года, когда состоялась последняя забастовка длиной 45 дней. Но сегодня, как отметил один из лидеров профсоюза ILA, ситуация изменилась: «Забастовки никогда не бывают лёгким делом, но в современном мире остаются одним из самых мощных инструментов в нашей борьбе за справедливость». Совпадение ряда факторов привело к отклонению соглашения, которое ранее всегда удавалось подписать до истечения установленного срока.

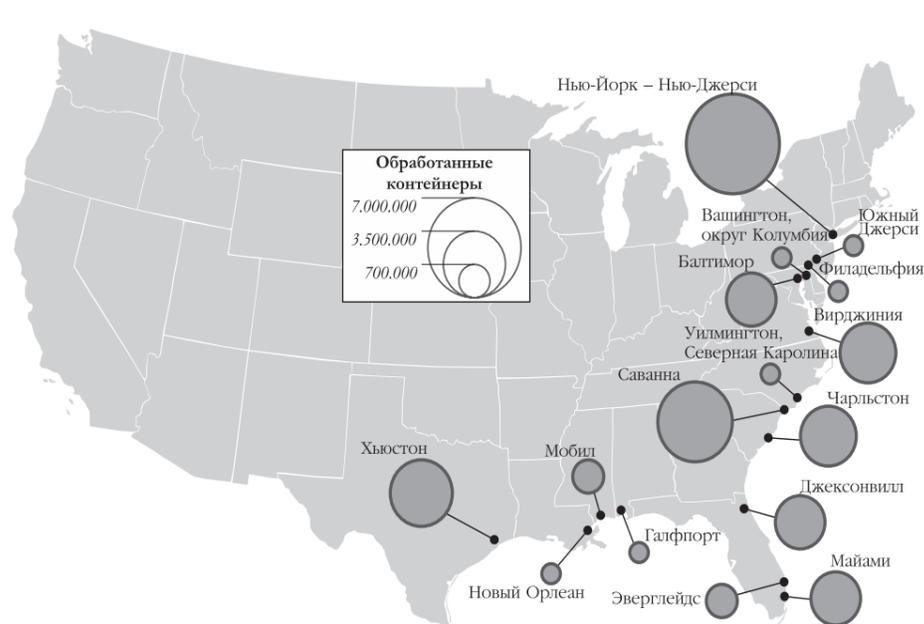
Во-первых, речь идёт об индексации заработной платы – повсеместно звучащем вопросе, который год назад привёл в движение докеров на Западном побережье и работников автопрома, который поднимался при перезаключении многих других контрактов, включая недавнюю борьбу техников

Boeing, объявивших забастовку в октябре и вырвавших в итоге значительную компенсацию.

Во-вторых, был поднят вопрос о защите рабочих мест, которым угрожает многолетний рост автоматизации портовых операций, в частности, расширение работ с контейнерами; эту тему ILA принимает близко к сердцу и практически поднимает на флаг. Это священная борьба, однако она не может остановить или замедлить явление, вызванное логикой колоссальных инвестиций, роста транспортных потоков, ожидаемых прибылей и многого другого. Американские порты не отличаются высокой автоматизацией и не занимают верхние строчки в мировом рейтинге. Порты на Востоке оснащены ещё хуже, чем порты на Западе, где, к тому же, ILWU (Международный профсоюз докеров и складских рабочих) уже много лет назад добился соответствующего соглашения.

Угроза остановить работу портов, которая становилась всё более открытой, вызвала бурную реакцию в прессе Восточного побережья. СМИ перепечатывали оценки потерь в процентных пунктах ВВП, которые может понести экономика США от одного дня забастовки. «Приближающаяся забастовка в портах Восточного побережья может поколебать экономику» (New York Times). «Надвигающаяся забастовка в портах вызывает опасения перед возможным кризисом в цепочке поставок свежих продуктов»; «Забастовка в портах грозит обрушить торговлю» (Financial Times, Лондон). «Забастовка будет ударом по экономике» (Washington Post). «Портовая забастовка угрожает заблокировать торговлю США» (Wall Street Journal). «Забастовка в доках США наносит удар по мировой торговле» (The Times, Лондон). Это лишь некоторые из громких заголовков, опубликованных за несколько недель перед забастовкой.

Соглашение было достигнуто после трёхдневной остановки работы. При этом, забастовка не затронула два вида товаров: военное оборудование и нефть и газ, а также рейсы круизных лайнеров. Удалось добиться ощутимой прибавки к зарплатам (+62 % в течение шести

Из 25 основных контейнерных портов США 17 находятся на Восточном побережье, в Мексиканском заливе и Пуэрто-Рико; 7 – на Западном побережье (Аляска, Сиэтл, Такома, Окленд, Лос-Анджелес, Лонг-Бич, Окснард), 1 – в Тихом океане (Гонолулу). Шесть десятых общего объёма контейнерного трафика (входящего и исходящего) проходит через порты Атлантического побережья и Мексиканского залива, которые, наряду с более мелкими портами с незначительным контейнерным оборотом, участвовали в забастовке в начале октября 2024 года. Особое значение имеют забастовки, организованные в Нью-Йорке – Нью-Джерси (6,6 млн. TEU в год), Саванне (4,3), Вирджинии (2,8). На Западном побережье крупнейшими являются Лос-Анджелес (6,4 млн TEU) и Лонг-Бич (6,1). TEU: единица измерения, соответствующая контейнеру длиной 20 футов (6,1 метра).

Источник: «Top 25 container ports by TEU», US Department of Transportation, Bureau of Transportation Statistics, данные на конец июля 2024 года.

лет), но нужно помнить и о том, сколько накопилось невыплат по повышению зарплаты задним числом, потерь из-за инфляции и т.д., а также о гигантских прибылях сектора за последние несколько лет. Кроме того, в договоре прописана no-strike clause, то есть обязательство не бастовать в течение шести лет срока контракта.

Вопрос о защите рабочих мест от последствий автоматизации был отложен до середины января 2025 года, когда, вдали от софитов прессы, возможно удастся найти решение, аналогичное принятому на Западном побережье. Газета Washington Post приводит важный комментарий одного из экспертов: «ILA не может откладывать то, что неизбежно». Эксперт отмечает, однако, что такого порта, который был бы автоматизирован на все 100 %, пока не существует и что автоматизация имеет смысл только при наличии больших постоянных и предсказуемых объёмов перевозок, необходимых для оправдания таких огромных инвестиций. По данным Международного транспортного форума, пишет газета, «самые амбициозные проекты требуют инвестиций в миллиарды долларов, и они не всегда окупаются». Здесь есть пространство для переговоров, в том числе и потому, что порты США отстают в освоении этих технологий.

Классовая солидарность

Докеры во всём мире и в Северной Америке в особенности обладают большими переговорными возможностями благодаря характеру своей работы. Они принадлежат к высшему слою рабочих, даже если их статус рабочей аристократии размывается из-за различных факторов. Их работа является одной из самых опасных, с уровнем смертности в четыре-пять раз выше среднего.

Это признаёт и Washington Post, приводя в пример их условия труда, когда зачастую из-за сверхурочной работы смена может длиться 15–20 часов. Кроме того, докеры закономерно являются объектом наибольшего внимания со стороны правящих классов. Они прекрасно знают, насколько велики потенциальные потери прибыли, которые может нанести гигантскому механизму движения товаров остановка портовых работ. Докеры заслуживают самой высокой классовой солидарности, потому что они имеют в своих руках гораздо более сильный рычаг давления, по сравнению с другими, менее заметными отрядами рабочих, и могут использовать его в общих классовых интересах.

Однако на деле этой солидарности они не увидели даже в такие благоприятные для трудящихся времена в крупнейшей экономике мира. У докеров Восточного и Западного побережья разные профсоюзы, у них разные традиции, они не координируют свою борьбу, хотя и носят название International Union. Повторим: они предъявляли различные требования, в разные годы и без какой-либо очевидной координации. Канадские профсоюзы докеров выдвигали требования совершенно независимо от американских. Можно только представить, какую силу могло бы иметь скоординированное действие всех североамериканских докеров.

До эффективной классовой солидарности, пусть даже на уровне требований, ещё далеко. Но время, мировой кризис и факторы мирового рынка, в которые встроен класс, объективно работают в нужном направлении, о чём свидетельствует и этот эпизод забастовки, первый за почти полвека.

Lotta comunista, декабрь 2024 г.

РАБОЧИЕ, ВОВЛЕЧЁННЫЕ ВО ВСЕМИРНУЮ БИТВУ

«Портовые рабочие подвержены этому циклическому, противоречивому и хаотичному всемирному движению. Доки тесно связаны с международным рынком и всемирным обобществлением производства, с одной стороны, и узостью частного присвоения, с другой» (Lotta Comunista, июнь 2010 г.).

Под рубрикой «Глобальная битва в контейнерных перевозках» в нашей газете в течение многих лет анализируется противостояние, в которое вовлечён очень важный сегмент нашего мирового класса. Мы отсылаем читателя к этим статьям. Здесь мы, конечно, можем ещё раз повторить, что, пожалуй, нет другого сегмента нашего класса, который бы более тесно соприкасался с одним из краеугольных камней капиталистического способа производства – движением товаров, в частности, морским трафиком, на который приходится подавляющий объём грузоперевозок. Последние встроены в механизм, в котором крупные транспортные компании становятся всё более концентрированными, конкурируют друг с другом и становятся всё сильнее. Они пережили несколько лет огромных прибылей («рекордные прибыли в 2021 и 2022 годах», – говорится в последнем выпуске Review of maritime transport ЮНКТАД) из-за взрывного роста фрахтовых ставок во время кризиса Covid. Эта прибыль буквально проплывала под носом портовых рабочих, пока они на свой страх и риск во время пандемии переправляли товары, приносящие эти прибыли.

Заголовок в Le Monde: «Глобальная битва за портовую инфраструктуру разгорается». Описывая некоторые аспекты острой борьбы между судовладельцами, грузоотправителями и администрациями портов за контроль, газета комментирует: «Цепочки поставок растаивают, и порты являются важнейшим звеном в них» (2 октября). Именно в этой битве участвуют докеры Америки и всего мира. Они должны быть полностью осведомлены о характере этой битвы.

Издательская новинка

Китайская коллизия и империалистический век

Из предисловия к вышедшей на итальянском языке книге Джулио Мотози *“Cronache della via della Seta”*.

Ленин переносит в империалистическую эпоху понятие «исторической коллизии»¹ – не только социального и политического столкновения, которое исходит извне и потому связано с мировым капиталистическим развитием, но и имеет политическое содержание, которое империализм делает интернациональным, что обостряет противоречия в борьбе между фракциями внутреннего плюрализма сил и связанных с ними политических течений.

В статье 1908 года “Горючий материал в мировой политике” Ленин утверждает, что влияние со стороны империализмов и русско-японская война подняли китайское «революционное движение против средневековья»² на буржуазно-демократический уровень. Это историческое видение наследует взглядам Маркса и Энгельса, начиная с их анализа восстаний тайпинов. В статье “Демократия и народничество в Китае” (1912) Ленин анализирует народническую программу Сунь Ятсена, выявляя её, по сути, буржуазно-демократический, т. е. капиталистический, характер. Ленин рассматривает идеологию и политическую практику Сунь Ятсена «под углом новых мировых событий»³. Именно развитие империализма раскрывает истинную природу китайского народничества как агента капиталистического развития в Китае. Именно коллизия империализма трансформирует политические течения.

Ленин утверждает следующее методологическое основание: «Разные страны в своей буржуазной революции проводили в жизнь различные ступени политического и аграрного демократизма, и притом в самых пёстрых сочетаниях. Решит международная обстановка и соотношения общественных сил в Китае»⁴. Здесь фактору глобального влияния отдаётся приоритет в анализе внутренней борьбы, являющейся политическим выражением столкновения общественных сил в Китае. Изучение связи между “международной обстановкой” и “соотношением общественных сил в Китае” прочно закрепится в нашем дальнейшем анализе.

В статье 1923 года “Лучше меньше, да лучше” Ленин пишет, что «ряд стран: Восток, Индия, Китай и т. п., в силу именно последней империалистической войны, оказались окончательно выбитыми из своей колеи. Их развитие направилось окончательно по общеевропейскому капиталистическому масштабу»⁵. Далее он замечает: «А Восток, с другой стороны, пришёл окончательно в революционное движение именно в силу этой первой империалистической войны и окончательно втянулся в общий круговорот всемирного революционного движения»⁶.

Падение последнего китайского императора и первая империалистическая война в Азии завершают семидесятилетний цикл анализа “исторической коллизии” в Китае. По мнению Энгельса, изоляция Китая была нарушена Японо-китайской войной (1894–1895). Ленин добавляет к этому Русско-японскую войну 1905 года и в статье 1908 года “Горючий материал в мировой политике” применяет критерий внешней коллизии к анализу всей Азии, чтобы указать на формирование скрытого пролетариата в Азии, подгоняемое развитием реги-

она: «У европейского сознательного рабочего уже есть азиатские товарищи, и число этих товарищей будет расти не по дням, а по часам»⁷. Наконец, с началом первой империалистической войны Ленину удалось «окончательно» подтвердить предсказание 1850 года об пробуждении Азии и положить его в основу интернационалистической стратегии Октября. В работе “Ленин и китайская революция” (1962) Арриго Черветто прослеживает линию, которая идёт от трудов Маркса и Энгельса, проходит через статьи Ленина о Китае и ведёт к фундаментальным “Тезисам об империалистическом развитии, длительности контрреволюционного периода и развитии классовой партии”, лёгшим в 1957 году в основу стратегии революционного меньшинства, исходя именно из прогноза развития Азии. Подход Ленина основан на марксистском анализе развития капитализма в империалистической фазе, которое связывает восхождение буржуазного общества в Азии, отмеченное “якобинскими” и антиколониальными войнами, с противоречиями, которые эти войны могут вскрыть между империалистическими державами. В 1923 году Ленин считал, что Китаю «нужно успеть цивилизоваться»⁸, и тогда он станет молодым националистическим капитализмом, который ускорит темпы развития кризиса империализма. Сможет ли Советская власть в России устоять было связано именно с этим ритмом и, следовательно, со временем, которое потребовалось бы для развязывания «революционным и националистическим» Востоком войны с «контрреволюционным империалистическим Западом»⁹, что открыло бы окно возможностей для немецкой революции в Европе и предоставило бы русской революции вторую отсрочку для выхода из изоляции.

Однако развитие Азии будет происходить медленнее, азиатская буржуазия будет слабее, реализация стратегии займёт больше времени, чем ожидалось, а подход Ленина будет потерян в сумраке сталинских репрессий и контрреволюции 1920–1930-х годов. Наличие долгосрочной стратегии – это самое трудное завоевание для поколений марксизма.

Маркс и Энгельс открыли развитие Тихого океана, проанализировав революционные кризисы в Европе и причины их перерастания в новый виток развития – кризис, распространившийся на мировой рынок. Ленин связывал перспективы Октября с революцией в Европе и развитием Азии. Чтобы решить вопрос о кризисе империализма в послевоенный период, не впадая при этом в идеалистическое нетерпение, необходимо было строго материалистически вернуться к теории развития, доработанной Лениным для империалистической фазы. Это и было сражение за “Тезисы” 1957 года: империалистические противоречия между “развитыми” странами нашли своё разрешение в послевоенном расширении мирового рынка; индустриализация афро-азиатских и латиноамериканских рынков обусловила неравномерное развитие империализма и отодвинула кризис в метрополиях. «Без точного понимания положения на мировом рынке и перспектив его развития нельзя ни понять характер современного контрреволюционного периода, ни определить линию поведения и задачи

революционного меньшинства»¹⁰. Понимание того, как будет распространяться капиталистический способ производства, что Ленин сделал в диалектической концепции империалистического развития, имеет решающее значение для выбора типа партии, подходящего для долгосрочной перспективы.

Исследование экстенсивного и интенсивного развития в послевоенный период являлось постоянной частью стратегического анализа. В июле 1960 года Черветто писал, что «промышленное развитие [Китая] приведёт его к выходу на сцену в качестве величайшей империалистической державы»¹¹. Вывоз капитала из метрополий, ускоряющий развитие Азии, подчёркивал неравномерные и противоречивые характеристики империалистического развития: мировой рынок становился питательной средой для новых держав, новых центров перепроизводства капитала, но это означало, что послевоенный порядок неизбежно породит новых игроков, которые его взорвут. В случае Китая мы имеем величайшее подтверждение марксистской теории международных отношений: империализм не может гарантировать баланс сил в долгосрочной перспективе. Нет лучшей гарантии для великой революционной борьбы, начатой Марксом и Энгельсом.

Черветто сравнивает смещение центра тяжести мировой торговли в Азию с тем, что происходило в шестнадцатом веке, который вызвал к жизни капитализм и первый «резкий поворот» мировых течений. Примерно через полвека после публикации “Тезисов” вторжение Китая откроет новую стратегическую фазу, возвестившую о кризисе империалистического порядка, установленного второй мировой войной.

Финансовый кризис 2008 года ускорил эти тенденции, став потрясением для старых держав и для общественного мнения. Пекин начал реструктуризацию промышленности после 40 лет высоких темпов роста, но вторжение нового гиганта в результате «кризиса глобальных отношений» сказалось в первую очередь на стратегическом уровне. В Пекине даже обсуждалось, не вынудил ли 2008 год Китай выйти на передний план вопреки его стратегическим намерениям. Однако с объявлением в 2017 году программы перевооружения «мирового уровня» и намерением к 2035 году построить шесть авианосцев “Дракон” Китай открыто заявил о своих планах на будущее.

Все столицы империализма в ответ ринулись перебирать свои арсеналы; цикл беспрецедентной напряжённости, вызванный восхождением нового китайского Левиафана, вновь ставит в повестку политического развития и практики государств вопрос войны между великими державами – прямой или опосредованной.

Впервые в мире результатом коллизии империализма – вторжения китайской державы – стали потрясения таких колоссальных масштабов. Только марксизм мог задолго до этого предвидеть такую диалектику «исторической коллизии» и на протяжении двух столетий удерживать внимание на «любопытное будет зрелище: Китай вызывает потрясения в западном мире»¹².

Сегодня все важные тенденции – новая стратегическая фаза, 2020-е годы непрерывного перевооружения, марш “сомнамбул” империализма – требуют науч-

ной точности и политического внимания при оценке диалектики единства и раскола между державами и возможных ритмов кризиса порядка. И в Вашингтоне, и в Пекине на самых высоких уровнях рассматриваются оба сценария – катастрофическая война или китайско-американские стратегические переговоры за счёт других держав, с помощью других держав или путём натравливания других держав против своего противника. Циркулирующая в китайских мозговых центрах формула «две руки против двух рук» удачно резюмирует это нестабильное состояние, в котором обе сверхдержавы готовятся к столкновению и угрожают его разрушительными последствиями, заявляя о намерении его предотвратить или по крайней мере отсрочить.

Однако с каждым новым шагом эта динамика приобретает черты неуправляемости и неотвратимости. Вашингтон окружает Китай сетью “мини-латеральных” военных альянсов и размещает ракеты средней дальности в Азии; Пекин укрепляет острова Спратли и Парасельские острова в Южно-Китайском море и модернизирует свой ядерный арсенал до новых масштабов, обеспечивающих достаточную защиту. В наших “Хрониках Шёлкового пути” мы рассматриваем дилеммы войны, обсуждающиеся китайскими течениями. В 2022 году мы отмечали: «Систематическое исследование плюрализма политических линий китайского империализма показывает скорее сосуществование, чем чередование, военных и мирных средств, но также и изменение пропорции между ними». Перевооружение постепенно навязывает себя всем политическим течениям, как минимум в качестве гарантии против любой возможной региональной или глобальной военной комбинации.

Буржуазия не исключает крупной войны в ближайшие десятилетия. Революционная стратегия рассматривает альтернативные гипотезы затяжного кризиса империалистических структур или их быстрого краха, разрушительную цепь региональных конфликтов или мировую войну, а между двумя крайними случаями – весьма широкий спектр промежуточных вариантов. В китайской дискуссии «мировая война» представляется более вероятной, чем ранее, но пока не неизбежной. Азиатская война – настоящая загадка «новой эры», открытой Пекином. Однако китайские империалисты осознают, что они бросили вызов веку американского доминирования и пяти векам мирового господства Запада. Это будет невиданное ранее столкновение правящих классов.

Lotta comunista, ноябрь 2024 г.

1 – Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. Соч. Изд. 2-е. Т. 3. С. 74.

2 – Ленин В. И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 17. С. 179.

3 – Там же. Т. 21. С. 400.

4 – Там же. С. 406.

5 – Там же. Т. 45. С. 402.

6 – Там же. Т. 45. С. 403.

7 – Там же. Т. 17. С. 179.

8 – Там же. Т. 45. С. 404.

9 – Там же.

10 – Черветто А. Унитарный империализм. Т. 1. Киров: Марксистская наука, 2005. С. 520.

11 – Там же. С. 595.

12 – Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. Соч. Изд. 2-е. Т. 9. С. 103.

Хроники Шёлкового пути

Пекин измучен приматом внутренней политики

Исчерпание высоких темпов капиталистического взлёта Китая, наблюдавшихся в «славное сорокалетие» начиная с «открытия» 1978 года, соответствует окончательному созреванию китайского империализма. Рубежом в этом цикле считается торговая война, которую США Дональда Трампа развязали против Китая в 2017 году. Неслучайно это событие совпадает с началом программы перевооружения военно-морских и стратегических сил Дракона. После мирового финансового кризиса 2008 года темпы китайского капитализма замедлились вдвое. Масштабное фискальное стимулирование 2009 года позволило сохранить годовой рост ВВП на уровне около 10 % в течение ещё двух лет, однако в период с 2012 по 2019 год установилась «новая нормальность» с постепенным снижением темпов роста с 8 до 6 %. После пандемии этот показатель составляет чуть менее 5 %.

Хуан Ипин, советник Народного банка Китая и проректор Национальной школы развития, основанной Джастином Ифу Линем и Чжан Вэйином в Пекинском университете, пишет, что, с одной стороны, Китай ещё не полностью оправился от кризиса, вызванного COVID, а с другой – Пекин избегает агрессивных мер, поскольку 2009 год спровоцировал двойной пузырь: на рынке недвижимости и местных долгов. В конце 2024 года минфину пришлось конвертировать «скрытый» долг провинций. Но кроме этого нужно «изменить баланс фискальных обязанностей между правительствами различных уровней», что является сутью обширной программы реформ Китая. Чтобы решить вопросы социальной реструктуризации, Пекину придётся изменить баланс сил. Однако динамика «внутренней политики» осложняется глобальной конкуренцией. Одно только постановление китайских течений по своей сути выявляет наличие множества ориентаций.

Дерегулирование и новые противоречия

Чжэн Юнъянь из Китайского Университета Гонконга в Шэньчжэне является лидером либерал-империалистического течения, связанного с регионом Большого залива провинции Гуандун. В *Greater Bay Area Review* он приоткрывает завесу над жаркими дебатами о противоречиях развития, которые доходят вплоть до тезисов о китайском «откате назад». При передаче монетарной и фискальной политики от центра к провинциям возникают трудности. Более того, традиционные «три коня», тянущие цикл – инвестиции в инфраструктуру, потребление «среднего класса» и внешняя торговля – парализованы. По мнению Чжэна, выходом станет создание новых видов экономической деятельности за счёт технологического прогресса, через модернизацию старых секторов и создание новых.

Китайский империализм достаточно созрел, чтобы жаждать этого чудесного лекарства, предлагаемого технологическим детерминизмом, этого «нового» капитала, который, постоянно возникающая из «старого», как будто продлевает его жизненный цикл. «Новое экономическое пространство», которое можно создать с помощью инноваций, «почти бесконечно», пишет Чжэн и предлагает

использовать для его подпитки «дерегулирование» – «третью стрелу», наряду с монетарным и фискальным смягчением, которая должна позволить Китаю избежать «отката назад» в экономике и догнать Америку Трампа и Илона Маска: «Умеренное смягчение правил высвободило бы значительную часть новой экономической активности».

Но сам автор должен признать, что новые отрасли, помимо того, что обесценивают активы конкурентов, возвращая старые противоречия, провоцируя столкновение компаний Юга и других центров китайской автомобильной промышленности: «Беспощадная конкуренция между отраслями быстро увеличивает местный долг», вовлекая целые провинции; многие из них инвестируют в автомобильный сектор, закладывая основу для нового пузыря, «подобного пузырю на рынке недвижимости»; «ценовая война» среди производителей электромобилей, которым уже угрожает избыток мощностей, – «жестокая», а число конкурентов чрезмерно. Ни одной стране «никогда не приходилось сталкиваться с такой жёсткой конкуренцией».

Китайские трудности и американские иллюзии

Если Дракон попытается избежать спада за счёт развития новых секторов, которые встряхнут глобальную конкуренцию, его реструктуризация может иметь несколько стратегических последствий для других держав. Цзинь Цаньжун, декан факультета реализма в Школе международных исследований Китайского народного университета в Пекине, считает, что «реальные проблемы Китая носят внутренний характер, особенно с точки зрения экономики и спроса», но в том смысле, что только безопасное развитие «может разрушить иллюзии Соединённых Штатов и заставить их понять, что подавить Китай невозможно».

Автор полагает, что пандемия и замедление темпов роста экономики Китая вновь возродили в Вашингтоне искушение ввязаться в гонку с Китаем, в том числе в экономической и технологической областях.

«Разумеется, развитие Китая невозможно сдержать, но мы также должны признать, что китайская экономика столкнулась с некоторыми трудностями за последние два-три года. В 2021 году ВВП в текущих долларах достиг 77 % от ВВП США, но в 2024 году этот показатель снизился до 61 %. Джо Байден даже сказал в своей прощальной речи, что Китай никогда не превзойдёт США». Однако если оставить в стороне цифры, Китай вверх послевоенный порядок в кризис: «Его восхождение отличается от подъёма Нидерландов, Великобритании, Германии, Японии и других стран в истории. Его размер оказал значительное влияние на глобальный баланс сил». Если в Америке укрепится «иллюзия», что Дракона можно сдержать, то это «неизбежно» приведёт к столкновению; трудности реструктуризации в Китае заставляют США медлить с признанием «неудержимости» его роста.

Внутренняя политика и дивиденды Китая

Янь Сюэту, декан Института международных отношений Цинхуа, также

поддерживает тезис о примате китайской «внутренней политики» в пересмотре глобальных отношений. «В соперничестве великих держав внешняя политика часто может отходить на второй план по отношению к внутренней». За этим тезисом стоят два аспекта. С одной стороны, именно «внутренняя программа реформ в действительности определит ход конкуренции» с Соединёнными Штатами. С другой стороны, «изоляционистская» политика Трампа открывает перед Китаем возможность наладить отношения с союзниками Вашингтона: это касается сближения с «европейцами» вокруг защиты многосторонней торговли от протекционистских выходов этого магната.

Поэтому Пекин не может позволить себе заниматься только своими внутренними делами, он должен действовать на обоих полях, выстраивая торговые и финансовые отношения, которые обусловили бы старые державы. Тот же инструмент, подтверждает *Global Times*, нацелен на «развивающиеся» державы и позволит им «разделить дивиденды развития Китая» за счёт увеличения импорта.

Мы видим линию, направленную на империалистическое использование рынка импорта, в противовес рецептам простого увеличения внутреннего потребления, которые предлагала англосаксонская школа. Пекин отменяет тарифы для «наименее развитых стран» Африки и Южной Азии, а также снижает средний общий тариф на один процентный пункт – до 6 %, но сейчас решающее значение имеет объём импорта, который за двадцать лет увеличился в десять раз. Доля старых держав в китайском импорте снижается с 53 до 42 %. Сегодня Китай является крупнейшим в мире импортёром из «развивающихся» стран. Открытость может диалектически превратиться в орудие для финансового вторжения на «развивающиеся» рынки.

Подъём китайского шовинизма

Империалистическое развитие Дракона проецируется на мир и зависит от мира, но интернационализация может только подпитывать национализм. XX век превратил его в самый ходовой продукт капитала на международном рынке. По мнению Янь Сюэтуна, даже в Китае «усиливаются популистские тенденции, разжигающие огонь шовинизма». По мнению основателя Института международных и стратегических исследований Пекинского университета Ван Цзисы, «отношения с США будут зависеть от решающих изменений во внутренней политике», и «внутренняя политика претерпела важные изменения». Ван является наиболее ярким представителем старого проамериканского течения «мирного восхождения», позднее пришедшего к отказу от «сдержанности»: то, с каким неудовольствием он об этом говорит, отражает политические изменения в проамериканской партии на фоне обострения спора с первой державой.

Ван вспоминает, что двадцать лет назад, когда заместитель госсекретаря Роберт Зеллик предложил включить Китай в число «ответственных акционеров» мирового порядка, Пекин отреагировал положительно; вскоре

после этого, с началом финансового кризиса 2008 года в США, началось «постепенное ухудшение» отношений, достигшее кульминации с избранием Трампа в Белый дом. Однако аналогичные изменения происходили и в Китае. «После 2012 года несколько высокопоставленных партийных, государственных и военных чиновников были уволены по обвинениям в коррупции. КПК усилила [...] внутреннюю идеологическую борьбу, подчёркивая, что должностные лица должны «иметь смелость и уметь бороться» в международных отношениях. Продолжая уделять внимание экономическому прогрессу, Китай в политической жизни уделяет гораздо больше внимания национальной безопасности». «Внутренняя политика» породила национализм.

Безопасный Китай, увязший в плюрализме

Директор Центра «Китай и мировая экономика» в Университете Цинхуа Дэвид Ли Даокуй в своей книге «China's World View» (2024), напротив, вступает в диалог с Мартином Вулфом и Нилом Фергюсоном именно тогда, чтобы объяснить, почему Китай, будучи «в основном поглощённым» своими «внутренними делами», не представляет «угрозы» для Запада. Само собой разумеется, что внутри КПК существуют различные ориентации. Тот факт, что она затрачивает силы на синтез и определение внешнеполитических линий, является одной из закономерностей империалистической демократии. Однако эффективность этого процесса, его скорость и степень прочности политического консенсуса, который в итоге будет достигнут, являются фактором в противостоянии держав: если уж на то пошло, то это оружие в империалистическом противостоянии, а не фактор его смягчения.

По мнению Ли Даокуя, архитектура реальных «внутренних» сдержек и противовесов китайского плюрализма неизвестна на Западе. Ли с полным основанием может прояснить этот вопрос, так как является бывшим членом комитета по монетарной политике центрального банка, делегатом XX съезда КПК и членом Народного политического консультативного совета Китая, главным экономистом Нового банка развития БРИКС и консультантом китайского правительства. Он утверждает, что существует как минимум шесть уровней контроля: иерархия и строгая субординация партийных и правительственных чинов на центральном и местном уровнях; плюрализм власти, разделённой между ЦК КПК, правительством и парламентом; процесс многоуровневых «консультаций» при разработке законов; судебная система, поддерживаемая партийными дисциплинарными органами; решающая роль провинций; китайская традиция «косвенной критики», когда культурные дебаты «маскируют» политические, используя «конструктивную» двусмысленность в СМИ. К этому можно добавить лидеров «школ мысли»: их рассуждения о необходимости следовать примату внутренней политики раскрывают дилеммы, стоящие перед китайской державой.

Рецензии

Китайская опасность в Берлине

Janka Oertel, "Ende der China-Illusion. Wie wir mit Pekings Machtanspruch umgehen müssen", Piper Verlag, München, 2023 [Янка Ортел, "Конец китайской иллюзии. Чем нам ответить на стремление Пекина к господству"]

Янка Ортел работала в Германском фонде Маршалла над вопросами отношений между Китаем и трансатлантическим регионом. С 2019 года она является директором азиатских программ в Европейском совете по международным отношениям. В качестве эксперта она привлекается Бундестагом и Комитетом по международным отношениям Сената США.

В этой рецензии, как и в предыдущих, мы прослеживаем стратегические дебаты в Германии: многие из высказанных здесь тезисов не являются доминирующими среди немецких государственных деятелей, принимающих решения на данном этапе, но демонстрируют текущее противостояние в Берлине и его возможное направление развития.

Текст представляет собой искренний призыв к ЕС – и Германии в частности – осознать растущую «опасность» Китая. Настало время для серьёзного противостояния Пекину, который выступает угрозой безопасности Европы и европейским интересам. Главный тезис заключается в том, что ЕС должен укрепить свою безопасность, как и свою торговую политику, действуя в рамках трансатлантических отношений и дистанцируясь от Китая, который, соотвественно, рассматривается как ненадёжный партнёр. Ортел утверждает, что последняя иллюзия, от которой нужно освободиться, – это «священная корова» международного, многостороннего, основанного на правилах порядка.

Китайская опасность

Основная посылка такова: «Противостояние непосредственным вызовам европейской безопасности после российской агрессии против Украины в настоящее время находится в центре политического внимания. Но нельзя игнорировать то, что противостояние с Китаем с Си во главе государства и партии, а также глобальные последствия растущей мощи Пекина – это вторая большая тема после изменения климата, на которую мы в Германии и Европе должны обратить внимание в этом десятилетии».

Ортел исследует историческую роль КПК, китайской партии-государства. В ноябре 2012 года на партийном съезде Си был назначен генеральным секретарём и председателем Центральной военной комиссии. В марте 2013 года на Всекитайском собрании народных представителей он был назначен на пост председателя Народной Республики и утверждён в должности верховного главнокомандующего. Это нетипичная передача полномочий, предупреждает Ортел, напоминая, что Дэн никогда не занимал все эти должности одновременно, а его преемники, Цзян Цзэминь и Ху Цзиньтао, получали не все посты сразу, а только последовательно.

Ортел продолжает исторический анализ: «Именно в Германии долгое время верили в нарратив о том, что коммунистическая партия приведёт Китай к новому могуществу и обеспечит самое впечатляющее развитие в современной истории. Однако теперь сомнения в рациональности поведения китайского правительства возникают не только в самом Китае, но и за его пределами. [...] Мудрый Дэн открыл Китай миру, Цзян Цзэминь привёл Китай в ВТО, а Ху Цзиньтао – в

современность. [...] До 2007 года производительность реформированного государственного сектора была сопоставима с динамичным частным сектором. Финансовый кризис 2008 года заставил пересмотреть ситуацию, и реформа предприятий, направленная на повышение гибкости и интернационализацию, застопорилась. От китайских предприятий теперь требовали стать не только более эффективными и конкурентоспособными на глобальном уровне, но и более китайскими».

Автор указывает на стратегию Си, начиная с текущего пятилетнего плана (2021–2025 гг.), которую можно обозначить как «принцип двойной циркуляции». Первый контур – это внутренняя экономика, которую «необходимо укрепить при помощи максимально приближенных к автаркии условий производства, внутренних цепочек поставок, сильных отечественных предприятий и высокого уровня внутреннего потребления (в настоящее время оно низкое, 40 % ВВП: в США – 70 %, в Германии – 51 %)».

При этом в равной степени нужно укреплять экспортный сектор – двигатель китайской экономики. По логике Си, нельзя допустить сильную зависимость от отдельных государств, в том числе от России, стран Персидского залива и Ирана. Стратегия китайского руководства заключается в том, чтобы ассимилировать международные группы или оттеснить их на второй план, создав собственных игроков на китайском рынке. Новый Шёлковый путь – это путь к открытию ещё не насыщенных товарами рынков для экспорта. За десять лет китайские кредиторы предоставили 150 странам мира кредиты на сумму в 1 триллион долларов США.

Различные стратегии
в ЕС, США и Китае

Европейские государства стремятся подчеркнуть разницу между американской позицией и чисто европейским проектом в отношении Китая. Здесь идея европейской стратегической автономии пользуется полной поддержкой Пекина. В речи Олафа Шольца в Сорбонне в январе 2023 года, посвящённой 60-летию Елисейского договора, он использовал термин «многополярный» для определения позиции ЕС как третьей по величине экономики мира.

Ортел обобщает позиции американского и китайского империализмов. США, обнаружив перед собой агрессивное настроенный Пекин, намерены использовать своё превосходство в силе, чтобы изменить баланс в свою пользу во всех областях, где это возможно. Они считают, что международного порядка в том виде, в котором мы его знаем, больше не существует, и необходимо создать новый.

Китайскую точку зрения можно резюмировать следующим образом. США – слабеющая держава. Их поведение обусловлено имперскими устремлениями. Вашингтон эксплуатирует другие государства для реализации своих стратегических интересов. США хотят предотвратить восхождение Китая, чтобы отдалить свой упадок, пока есть такая возможность. Они представляют угрозу для безопасности Пекина. Международный порядок в его текущем виде

КИТАЙСКАЯ ДЕРЖАВА И СТРАТЕГИЯ

«Си предложил усилить государственные предприятия и партийные ячейки в частных компаниях. Были образованы такие огромные конгломераты, как China Cosco Shipping Corporation, CRRC, China Railway Rolling Stock Corporation (крупнейший в мире производитель подвижного состава) или State Grid (крупнейший в мире поставщик коммунальных услуг)» (стр. 56).

«К 2025 году Китай должен стать глобально конкурентоспособным, к 2035 году ведущие промышленные отрасли должны выйти на первое место в мире, а к 2049 году этот процесс должен быть завершён» (стр. 59).

Существуют исторические закономерности, которые впадают в сегодняшнюю линию Си. «Великий поход Мао проходил в атмосфере самоотверженной борьбы, и Си, похоже, взывал именно к этому духу, когда через несколько дней после 20-го съезда партии повёз Постоянный комитет Политбюро в Яньань, в Шэньси, – место, где Мао разместился в 1935 году и который стал базой коммунистической партии. Отсюда Мао боролся с японскими оккупантами и националистами. [...] Визит в Яньань символизирует реакцию Си на современный мир, полный рисков и геополитической напряжённости: Китай должен стать более независимым от мира, а мир – более зависимым от Китая» (стр. 82–84).

«Отдаление от США и от их партнёров, действия которых Китай не может контролировать, компенсируется быстрым сближением с рядом западных государств – Россией, Ираном, Саудовской Аравией, Индонезией, Вьетнамом, Камбоджей, Лаосом и Мьянмой. Всё это страны, с которыми Китай может разговаривать с позиции силы и из которых он может импортировать сырьё и рабочую силу, необходимые Китаю в будущем. [...] Кроме того, они могут служить будущими рынками сбыта с большим потенциалом роста для китайского экспорта технологий, инфраструктуры и промышленности» (стр. 85).

«Исследование, проведённое при поддержке Фонда Бертельсмана, показывает, что прямые инвестиции немецких компаний в Китай утроились в период с 2010 по 2020 год: 30 % этих инвестиций приходится на производителей автомобилей» (стр. 112).

«Немногочисленные компании, такие как TSMC или Samsung, занимают более чем 70 % производства полупроводников, одна лишь TSMC на Тайване производит 50 %. [...] Для производства пластины, кремниевого листа, требуется 300 различных химикатов, более 50 специальных машин и более 1000 производственных этапов в течение трёх месяцев. Старые поколения микросхем производятся стандартным способом, но в верхнем сегменте, где и готовятся будущие инновации, ведущую роль играют дизайн микросхем из США, лазерные или химические технологии из Европы, Японии или Кореи» (стр. 120–121).

«До 2015 года Россия отправляла [Китаю] только устаревшее оружие или старые технологии. Только после аннексии Крыма Россия заявила о своей готовности продавать Китаю передовые системы. [...] С начала 2000-х годов армии двух стран регулярно проводят совместные учения. В период с 2003 по 2022 год было проведено 80 таких мероприятий, в том числе 46 за последние шесть лет. После аннексии Крыма было проведено 25 двусторонних российско-китайских учений. Китайские военные не проводили крупных мобилизаций со времён войны во Вьетнаме в 1970-х годах. Сотрудничество с получившими опыт российскими военными силами предоставляет, с точки зрения Китая, возможности для обучения» (стр. 178–180).

благоприятствует США и Западу в целом. Поэтому необходимо построить новый. Ортел отмечает, что Китай уязвим не только в области полупроводниковых технологий, но и на международном финансовом рынке. Мощь финансовой системы, ориентированной на США, опирается не на одну лишь валюту. Санкции настолько эффективны, потому что транснациональные компании и банки нуждаются в долларе, чтобы иметь доступ к международной финансовой системе, а США могут лишить их этого доступа.

Военная мощь
Китая

Китай ускоренными темпами наращивает свою военную мощь, что уже вызвало ответную реакцию во всём Индо-Тихоокеанском регионе. Нигде в мире военные расходы не растут так быстро, как в Азии. По данным SIPRI, расходы Пекина на оборону за последние 25 лет постоянно росли, достигнув 250 миллиардов долларов США в 2018 году и сделав Китай вторым по величине игроком по военным расходам в мире. Китай имеет больше пусковых установок межконтинентальных ракет, чем США, и планирует к концу десятилетия иметь в своём арсенале более тысячи единиц ядерного оружия.

Китайское правительство, утверждает Ортел, готовится к возможной войне. Войне, «которая напрямую затронет Европу и Германию в экономическом и политическом плане. Взаимозависимость крепка, санкции США спровоцируют немедленное давление, цепочки поставок нарушатся, и вопрос о роли

США как гаранта безопасности Европы встанет вновь».

Европа – третья
континентальная держава

Хотя Германия повторяет, что хочет избежать декаплинга с Китаем, она очень открыто декларирует два других «Д»: диверсификацию и дерискинг. Под этим подразумевается, что компании должны удостовериться, есть ли в их бизнес-модели или в цепочке поставок слабые места, где слишком велика зависимость от одной страны.

Политический вывод, который делает Ортел, заключается в том, что «необходимо активное лидерство Германии». Она даже прямо призывает к государственному интервенционизму для направления и защиты внутренней экономики Германии и Европы: «Для защиты от нарушений конкуренции, возникающих из-за действий китайского государственного капитализма, государственные инвестиции в США и Европе могут и будут играть большую роль в будущем. [...] Государство можно рассматривать как инвестиционный фонд, который вместе с частными инвесторами предоставляет стартовый капитал для изменения немецкой экономической модели в сторону ещё более глобальной, более взаимосвязанной, более эффективной и менее ориентированной на китайский рынок системы».

В ответ на обострение напряжённости между континентальными державами в европейской метрополии вызревают явные социал-империалистические позиции. Мы продолжаем отмечать, что Европа отключается от США, но взгляд на Китай как на угрозу набирает влияние.

Илон Маск: космический предприниматель

В сентябре 2001 года Илон Маск обсуждал возможность запуска космических аппаратов частными лицами со своим бывшим однокурсником Адео Ресси. Уолтер Айзексон, автор биографии Маска, передаёт эти рассуждения: «Для частного лица, очевидно, слишком дорого строить ракету. Или нет? Без каких материалов невозможно обойтись? Единственное, что действительно необходимо, думал он, это металл и топливо, которые не так уж и дороги». Оба пришли к выводу, что попытка вполне возможна.

Сегодня Маск – главный акционер Tesla и владелец X (бывшей Twitter) – считается самым богатым человеком в мире и решительно поддерживает избрание Дональда Трампа, советником которого он станет. Однако в этой статье речь пойдёт только о его деятельности в качестве космического предпринимателя.

Потерпите неудачу быстро и попробуйте снова

В мае 2002 года Маск, к тому времени уже ставший миллионером после продажи компании по производству софта “Zip2” корпорации Compaq, приобретает небольшую калифорнийский стартап и меняет его название на SpaceX. Сейчас это одна из самых важных космических компаний в мире, наряду с китайской CASC, производителем ракет “Чанчжэн” (200 запусков только за последние 5 лет). SpaceX не котируется на бирже, но её стоимость оценивается в 250 млрд долл. Успех не был бы настолько громким, если бы не ключевой вклад таких заказчиков, как НАСА и Пентагон (15 млрд долл. за последнее десятилетие). Не последнюю роль, впрочем, сыграли и уникальные методы управления Маска.

В апреле 2023 года, накануне первого полёта супер-ракеты SpaceX “Starship”, когда запуск оказался под пристальным вниманием регулирующих органов, Маск разразился: «Именно так и происходит упадок цивилиаций. Они перестают рисковать [...], их артерии затвердевают, [и это происходит] когда вы слишком долго добиваетесь успеха». Айзексон пишет, что «когда дело доходило до создания ракет, [Маск] верил в метод “fail-fast”: быстро провалиться, рисковать, учиться на неудачах, анализировать и исправлять ошибки, пробовать снова».

Спустя три года разработок двигателя с привлечением команды инженеров, до этого работавших на TRW (компанию, создавшей ракетную двигательную установку, которая доставила Армстронга и Олдрин на Луну), в 2005 году SpaceX завершила создание ракеты “Falcon 1”. Её название позаимствовано из саги “Звёздные войны”: Маск считает, что находится в самом начале приключения, которое может привести человечество к колонизации Марса.

От Тихого океана до мыса Канаверал

SpaceX планировала запустить “Falcon 1” с базы ВВС США Ванденберг, расположенной всего в нескольких километрах от её завода. Однако, поскольку сроки затягивались, компания решила принять предложение армии США использовать стартовую

платформу на островке Кваджалейн в центре Тихого океана. С марта 2006-го по июль 2008 года три попытки запуска закончились неудачей, четвёртая удалась в сентябре 2008 года и стала последней, поскольку к тому времени закончилось финансирование.

После успешного запуска “Falcon 1” SpaceX подала заявку на участие в программе НАСА “Commercial Resupply Services”, то есть на осуществление полётов к Международной космической станции (МКС), как для пополнения её запасов, так и для перевозки астронавтов после вывода из эксплуатации корабля “Shuttle”. В декабре 2008 года НАСА предложила 1,6 млрд долл. за 12 полётов на МКС туда и обратно.

Чтобы предоставлять такие услуги, SpaceX понадобилась более мощная ракета-носитель. Так появилась “Falcon 9”, цифра в названии которой соответствует количеству двигателей “Merlin”, участвующих в её запуске. Это ракета-носитель высотой 48 метров, в 10 раз более мощная, чем “Falcon 1”, и способная нести капсулу “Dragon”, которая может пристыковываться к МКС.

Для запусков “Falcon 9” SpaceX арендовала и переоборудовала стартовые площадки на мысе Канаверал – сначала “SLC-40”, а затем “LC-39A”, с которых ранее стартовали корабли “Apollo” и “Shuttle”. В июне 2010 года состоялся первый успешный запуск “Falcon 9”, а позднее в том же году капсула “Dragon” вернулась на Землю после тестовой миссии. “Crew Dragon” совершила 9 полётов с астронавтами на МКС, в то время как её конкурент – капсула “Starliner” компании Boeing – совершила лишь один полёт, вернувшись обратно без экипажа по соображениям безопасности.

Восстановление и повторное использование

Высокая стоимость космических миссий обусловлена тем, что ракеты-носители являются одноразовыми. SpaceX решила, что сможет добиться огромной экономии, если будет восстанавливать и повторно использовать первую ступень каждой ракеты, которая содержит топливо и тяговые двигатели. В декабре 2015 года эта операция впервые удалась, а в апреле 2017 года восстановленная первая ступень была повторно использована на ракете “Falcon 9”. С тех пор менее чем за 10 лет разгонные блоки были аккуратно возвращены на землю 348 раз и повторно использованы 323 раза, некоторые из них – более чем в десятке полётов.

В середине прошлого десятилетия Европа выбрала традиционную одноразовую конструкцию для новой ракеты “Ariane 6” на фоне скептического отношения к рентабельности восстановления. Как сказал Les Echos один из экспертов, для повторного запуска разгонные блоки необходимо переоборудовать и тестировать, а топливо, расходуемое на плавное снижение, ограничивает общую тягу и нагрузку ракеты. Наконец, заказчики могут не захотеть использовать ракету “секонд хенд”.

В 2017 году Тори Бруно (гендиректор ULA – альянса Boeing и Lockheed Martin) заявил, что выгода от восста-

новления в принципе невелика, не более 10 %. Ален Шармо (гендиректор ArianeGroup) задаётся вопросом: «Является ли повторное использование панацеей? В долгосрочной перспективе, на горизонте 2050 года, безусловно, да [...], но в среднесрочной перспективе это не так однозначно» (Le Figaro, 15.12.2017). Таблица запусков SpaceX и ArianeGroup наглядно демонстрирует отставание Европы и потерю технологического лидерства, в том числе и по причине этого выбора.

Starlink и Украина

В начале 2015 года Маск объявил о создании подразделения SpaceX под названием Starlink. Идея заключалась в том, чтобы вывести на низкую орбиту группировку в 40 тыс. спутников, способных покрыть весь земной шар и обеспечить подключение к Интернету. Цель – финансирование межпланетных полётов за счёт продажи услуг Starlink. Исследования показали, что 50 спутников уплощённой формы можно вывести на орбиту с помощью ракеты “Falcon 9”, которая сегодня используется в половине запусков спутников.

В настоящее время Starlink имеет 6,4 тыс. спутников на орбите и заявила о 4 млн клиентов и доходе в 6,6 млрд долл. в 2023 году. Созвездия низкоорбитальных телекоммуникационных спутников буквально затмевают собой крупные спутники на геостационарной орбите. Что касается последних, то заказы на их производство у Boeing, Loral, Airbus и Thales Alenia Space упали с 22 в 2015 году до 5 в 2018-м. Миссия по их выводу на орбиту обычно возлагалась на ракеты “Ariane” – ещё одна причина нынешнего европейского кризиса.

В феврале 2022 года, в начале вторжения России на Украину, вице-премьер последней Михаил Фёдоров попросил у Маска разрешение на использование спутниковой связи Starlink. Маск согласился, и через год в стране появилось 100 тыс. приёмных антенн. Starlink успешно противостояла попыткам российских военных нарушить её работу. Международная пресса восхваляла её успехи, доказанные на практике, что разожгло аппетиты многих западных армий.

В октябре 2022 года Маск приказал инженерам прервать работу станции в радиусе 100 км от Крыма, чтобы предотвратить атаку украинской беспилотной подводной лодки на российскую военно-морскую базу в Севастополе. По его мнению, нападение означало бы пересечение красной линии, о чём ему ранее сообщил российский посол.

Любопытно, как это событие передаёт Айзексон в своей книге. Маск предупредил о своём решении украинское правительство, российского посла, американского советника по безопасности Джейка Салливана и главу Объединённого комитета начальников штабов Марка Милли. Таким образом, прямые контакты Маска с лидерами институтов со всего мира – явление не новое.

SpaceX создала оборонное подразделение под названием Starshield, которое оказывает услуги Пентагону и американским силовым структурам, включая Национальное разведыва-

КОСМИЧЕСКИЕ ЗАПУСКИ SPACEX И ARIANESPACE

	SpaceX	Arianespace
2010-14	13	41
2015-16	16	24
2017	17	11
2018	21	11
2019	13	9
2020	25	7
2021	31	6
2022	61	5
2023	98	3
2024*	94	2
Всего	389	119

Примечание: *до конца октября; запуски Arianespace включают “Ariane 5”, “Ariane 6”, “Vega” и “Союз” (последний – до 2021 года).

Источник: SpaceX, Arianespace, Les Echos, Le Figaro.

тельное управление (NRO), совместно с которым компания управляет некоторыми спутниками-шпионами. Космические силы США подписали со Starshield конфиденциальное соглашение об использовании группировки Starlink, которое включает «особые условия», предотвращающие прерывание её работы, пишет Space News (3.10.2023).

Мега-ракета “Starship”

В октябре прошлого года с пятой попытки удалось запустить миссию “Starship”. Со стартовой площадки в Бока-Чика (штат Техас) взлетела гигантская ракета, состоящая из первой ступени “Super Heavy” высотой 70 метров, приводимой в движение 33 двигателями, на которой был установлен космический корабль “Starship” длиной 50 метров. SpaceX планирует сделать оба аппарата восстанавливаемыми, а “Starship” – главным средством полётов на Луну и Марс.

В ходе октябрьских испытаний “Super Heavy” отделилась на высоте 70 км, вернулась на стартовую базу, замедлилась почти до зависания и была поймана двумя манипуляторами, “палочками для еды”, как их называли, установленными на башне “Mechazilla”. Это потребовалось, поскольку у “Super Heavy” нет посадочных опор, что позволяет экономить массу. В последующих испытаниях захват не удался, но SpaceX планирует и дальше использовать эту технику.

В заключение, возвращаясь к Маску, отметим, что “палочки для еды” – это отсылка к мастеру Мияги и его фильму “Каратэ-пацан”, в котором герой ловил этими палочками муху. Это возвращает нас к Starlink, срок службы спутников которой составляет 5 лет: когда группировка будет полностью сформирована, потребуется ежегодно заменять 8 тыс. спутников; “Falcon 9” уже не подойдёт. Грузоподъёмность “Starship” составляет 150 тонн, что в 18 раз больше, чем у “Falcon 9”, и теоретически стоимость одного запуска в 7 раз меньше.

Соглашение Китая со Святым Престолом и миф о мировом единстве

22 октября 2024 года Ватикан объявил, что в третий раз продлит срок действия временного соглашения с Китаем о назначении епископов, заключённого в 2018 году. Тогда мы оценили его ратификацию как «исторический поворот», имеющий «вековое измерение». Срок, на который его продлят в этот раз, будет вдвое больше – четыре года. Появившись в контексте противостояния между державами перед лицом кризиса мирового порядка, с последующими войнами и глобальной гонкой перевооружений, сроки которой задаёт Китай, это соглашение, несомненно, приобретает всё более стратегическое значение.

Критики соглашения обычно подчёркивают проблемы, оставшиеся неразрешёнными, и риск того, что католическая церковь будет подавлена силой китайского государства. Однако Джанни Валенте, директор Agenzia Fides (информационная служба Папских миссионерских обществ), утверждает, что на протяжении многих лет «факты» доказывали правоту Хорхе Бергольо, который исходил из «простого христианского реализма». С 2018 года прекратились «незаконные епископские рукоположения», то есть рукоположения без папского согласия, которые с конца 1950-х «привели к серьёзным расколам в церковном общении между китайскими католиками». Кроме того, впервые в истории КНР два китайских епископа приняли участие в недавних заседаниях Синода в Риме (Vatican News, 14.09.2024).

Синод для новой стратегической фазы

На Синоде «за синодальную Церковь», созванном Бергольо в 2021 году и завершившем работу в октябре 2024-го, «китайский вопрос» с его огромными последствиями для католической церкви, похоже, стал основной темой. Критика в адрес Синода обильно лилась как со стороны прогрессистских, так и со стороны консервативных кругов, выражавших разочарование отсутствием прогресса и недоумение или тревогу по поводу тенденции к «протестантизации».

Тем не менее иезуит Антонио Спандаро, бывший редактор газеты *La Civiltà Cattolica*, предлагает нам рассмотреть Синод на другом уровне, в котором неразрывно переплетаются внутреннее измерение церкви и динамика соперничества между державами. В мире, «всё более разделённом на противоборствующие блоки, более угрожающие, чем те, что были в прошлом веке», – пишет он в итальянской газете *il Fatto Quotidiano*, – католический Синод подтвердил, что у нас разделяем общую судьбу и что Церковь сегодня должна жить даже там, где господствуют ветры и бури, сотрясающие мир». Грозные обстоятельства вынуждают католическую организацию к кропотливому процессу адаптации, который должен сделать её более «единой в многообразии». По словам Спандаро, это означает действовать «в эпоху, характеризующуюся разочарованием в государственных моделях, противостоянием национализмов и искушением разрешать конфликты силой».

Вторжение китайского империализма сотрясает порядок старых держав, подтверждает его кризис и предвещает его будущий крах. Церковь Бергольо воспринимает себя как «унитарный момент» в этом противостоянии, даже если становится свидетелем кризисов и войн, поскольку «конфликт», по мнению Бергольо, является «неизбежным фактором в динамике человеческих, а значит, и международных отношений» («Il nuovo mondo di Francesco», 2018).

Заметим, что противоречие, присущее динамике единства и раскола империализма, неизбежно проходит и через «католический интернационал», как его назвал Андреа Риккарди, – политическую организацию правящего класса, которая, с точки зрения марксистской науки, единственная в своём роде способна эффективно действовать в глобальном масштабе. Всемирный картель держав капитала в своём единстве не может оставить Китай за рамками, но гигантский размер последнего приносит с собой также динамику империалистического раскола, и наглядной тому демонстрацией служит кризис старого евроатлантического порядка.

Централизация плюрализма сил Ватикана

«После столетий тесной связи с Европой и западным миром, – пишет Агостино Джованьоли, историк из Миланского католического университета и член научного комитета Института Конфуция, – центр тяжести мирового католицизма поступательно и в относительно краткие сроки перемещается за пределы Старого континента, что приводит к пересмотру отношений с различными регионами мира» («L'Accordo tra Santa Sede e Cina», 2019).

Тем не менее долгое время католическая церковь рассматривалась в Китае как представитель «чуждой религии» – наследие европейского колониализма и укоренения в старых евроатлантических державах. В Пекине считают, что это умножает опасность присущего ей централизма, выраженного в принципе примата Святого Престола. В этом смысле синодальная церковь представляет собой другой вариант политики централизации плюрализма сил Ватикана. Этот аспект был в центре выступлений китайских епископов на Синоде: по словам Винченцо Чжана Силу, епископа прибрежной провинции Фуцзянь, «быть синодальной Церковью» – означает «уважать и слушать голоса различных историй, культур и традиций» (Vatican News, 17.10.2024).

Что касается структуры католической организации и форм её централизации, то, по мнению Джованьоли, сама возможность для будущего диалога с Китаем была заложена ещё на II Ватиканском соборе (1962–1965), где был подчёркнут аспект коллегиальности и увеличения «роли отдельных церквей». С точки зрения экономического и политического цикла, с запуском «реформ и открытости» и «политики открытых дверей» Дэн Сяопина в 1980-х годах уже в Китае начало формироваться новое восприятие «универсальности» церкви. После долгого периода враждебного отношения к ней «по внутренним причинам», пишет Джованьоли, КНР стала рассматривать её «как возможный ресурс в мировом противостоянии, где во множестве переплетаются не только политические, экономические и военные влияния, но и социальные, культурные и даже моральные». Отсюда можно сделать вывод, что отношения с Ватиканом выглядели для Китая полезными на пути его империалистического подъёма.

Этот вопрос, пишет Риккарди, вышел на первый план при Кароле Войтыле. Во время его понтификата, пишет историк и собеседник польского папы, нерешённый китайский вопрос оказался «проблемой, которая привела к отставке Церкви в очень важный момент китайской истории, когда Китай – в 2001 году – стал членом Всемирной торговой организации». Заметим, что это

был стратегический момент, позволивший Китаю переступить порог своего империалистического созревания. После ряда шагов вперёд и новых камней преткновения, которыми ознаменовался понтификат Йозефа Ратцингера, «нить» была подхвачена Бергольо, в «чём многополярном видении» Китай является «элементом огромной важности на шахматной доске мира».

В Китае Си Цзиньпина, где «поиск социальной стабильности» связан «с усилением международной проекции», отмечает Джованьоли, церковь Бергольо оказалась «надёжным партнёром в сложном международном контексте». Внутри страны она предложила себя в качестве надёжного переговорщика для «примирения» католических общин, разбросанных по всей стране, то есть в качестве более предсказуемой силы по сравнению с «новыми религиозными феноменами, менее поддающимися контролю со стороны правительства».

Христиане, конфуцианцы и патриоты

По словам государственного секретаря Ватикана кардинала Пьетро Паролина, «римский подход» к отношениям между центром и периферией, который на протяжении веков совершенствовался на Тибре, является гарантией и для Китая, поскольку «он означает универсальность без унификации». «Китаизация» – то, что Си Цзиньпин требует от всех религий, представленных в Китае, представляет для Паролина один из многих стоящих перед церковью вызовов, но далеко не новых. Будучи примером «инкультурации» христианства, «китаизация» уходит корнями в VI–VII век, когда свою деятельность в Поднебесной вели сирийские монахи. Спустя столетия подобной практикой станут руководствоваться миссионеры XVI и XVII веков, прежде всего, Маттео Риччи. В 2020 году иезуитская киностудия Kuangchi Program Service в сотрудничестве с Центральным телевидением Китая (CCTV) сняла документальный телефильм об этом иезуитском миссионере, рассчитанный на широкий китайский рынок: «Западный конфуцианец на Востоке».

Даже в Китае, как утверждается, можно быть одновременно «хорошим верующим» и «хорошим гражданином». Невозможно прочесть это иначе, чем открытое заявление о готовности к классовому сотрудничеству. По словам Элизы Джуниперо, директора Института Конфуция Миланского католического университета, более века, начиная с Бенедикта XV (Джакомо делла Кьеза), «китайский патриотизм был ценностью, которую католическая церковь признавала позитивной». Было даже «боевое крещение» этого подхода в виде поддержки «во время освободительной войны против Японии, в драматические годы, предшествовавшие Второй мировой войне».

Таким образом, участие церкви в создании вооружённой нации характерно не только для Европы, где сотрудничество национальных церквей Италии, Франции, Германии и Австро-Венгрии со своими государствами в 1914 году подготовило почву для осязаемого политического и социального укрепления католических организаций в послевоенный период. Достаточно вспомнить Латеранские соглашения 1929 года в Италии, положившие конец долгому противостоянию церкви и государства, характерного для XIX века, эпохи восхождения буржуазии.

С началом войны диалектика между центром и периферией породила два варианта ответа со стороны Ватикана, нейтрализм и интервенционизм: Рим посылал сигналы к единству, воплощением которых стал призыв Бенедикта XV в августе 1917 года против «этой бесполезной бойни»; момент раскола исходил от местных национальных церквей: они поддерживали «священный союз» собственных воюющих империализмов и мобилизовывали военных капелланов.

Чем будет христианство «с китайской спецификой»?

Необходимость «осмысления христианства в китайских категориях» не уменьшает масштабов проблемы, признаёт Спандаро. На протяжении 2000 лет о нём «думали в греческих категориях: что может значить думать о нём в китайских категориях?» («L'Atlante di Francesco», 2023).

Вопрос остаётся открытым. С другой стороны, именно взаимосвязь с динамикой держав и последствия для неё неизбежно порождают крайне негативную реакцию со стороны представителей старых католических регионов. Это отражение того, что мы определили как цикл атлантического упадка. «Мы должны сохранить Запад»: такова неявная критика, высказанная, например, кардиналом Камилло Руини, многолетним президентом Итальянской епископальной конференции (CEI) во время понтификатов Войтылы и Ратцингера (Corriere della Sera, 13.10.2023).

Ватикан и Трамп II

После выборов президента США Паролин, ключевая фигура в отношениях с Китаем, не отрицал сильного давления со стороны Вашингтона, но утверждал, что линия Ватикана останется неизменной, «независимо от возможной реакции на неё, даже со стороны Америки».

Продлив соглашение с Пекином ещё на четыре года, Ватикан стремится оградить свою китайскую стратегию от вмешательства новой, непредсказуемой администрации Трампа. Это имеет последствия для всей внешней политики Ватикана. Европейский империализм, который, по словам Бергольо, «уже почти три года является эпицентром третьей мировой войны, идущей по частям», поддерживается перспективой большей стратегической автономии. Токио также обращает на это внимание, стремясь избежать перспективы «блок против блока» в отношении Китая. По словам Куни Мияке, бывшего дипломатического советника бывшего премьер-министра Фумио Кисиды, «Святой Престол показывает, как нужно вести себя с Китаем» (Japan Times, 03.10.2023).

Вероятна ли перспектива, что хотя бы на время ведущие державы сойдутся на том, чтобы сопровождать и поддерживать амбиции китайского империализма по пересмотру международного порядка? Ватикан предлагает свою помощь в рамках этой стратегической перспективы, которая имеет реальную основу в унитарных интересах мирового империализма. Однако силы раскола столь же реальны и исходят от тех же империалистических держав; на протяжении истории они уже вторгались в Ватикан и перетряхивали его институты. Кризис мирового порядка обещает много новых вызовов, которые не в состоянии разрешить даже католический интернационал с его многовековым опытом.

Промышленность и фармацевтика

Геополитика здравоохранения

Нехватка лекарств или проблемы с доступом к ним наблюдаются в Европе и США уже много лет, и сегодня ситуация оценивается как тревожная. Проблемы затрагивают сотни продуктов, в том числе препараты широкого спроса (blockbusters), на которых фармацевтические компании сделали состояния. С истечением сроков патентов компании, владевшие ими, постепенно теряли свои монопольные позиции и доли на рынке из-за того, что конкуренты начинали выпускать дешёвые альтернативы в виде дженериков и биоаналогов. Крупные компании из сферы «наук о жизни» отходят от производства лекарств для массового рынка, стабильного, но мало прибыльного, и сосредотачиваются на исследованиях и разработках более инновационных, биотехнологических методов лечения с более высокими ценами и доходностью.

В сообщении Европарламенту и Совету ЕС касательно нехватки обычных фармацевтических препаратов Еврокомиссия обрисовала ситуацию так: «[В ЕС] сильная и конкурентоспособная фармацевтическая отрасль – мировой лидер по производству лекарств и один из основных столпов экономики ЕС, где заняты непосредственно около 800 тыс. человек. Она особенно сильна в исследованиях и разработках инновационных лекарств. Но ландшафт фармацевтического производства за последние десятилетия изменился, оно сфокусировалось «на более сложных продуктах, которые требуют высокотехнологичной инфраструктуры, квалифицированного труда и сложных процессов», тогда как «производство сырья для дженериков всё больше передвигается за пределы Европы» (24.10.2023).

Инновации против потребления

Самый недавний пример изменения положения Big Pharma – план французской компании Sanofi продать 50 % своего подразделения потребительского здравоохранения (Opella) американской частной инвестиционной фирме Clayton, Dubilier & Rice за 16 млрд евро. Если переговоры пройдут успешно, это будет «крупнейшей европейской сделкой года в области здравоохранения», пишет *Financial Times*.

В 2023 году товарооборот Opella составил 5,2 млрд евро при 11 тыс. сотрудников в 100 странах. Компания владеет примерно 100 разными брендами безрецептурных препаратов, включая популярные в Италии Bisolvon и Enterogermina и распространённый во Франции Doliprane (парацетамол). Французское правительство угрожало блокировкой сделки, так как министр финансов Антуан Арман требует гарантий, что Doliprane «продолжит производиться во Франции» (*Financial Times*, 17.10.2024). Для защиты своего промышленного суверенитета, французское государство решило приобрести долю в 2 % и место в совете директоров Opella.

Проблемы с парацетамолом начались во Франции во время пандемии COVID-19. Санитарный кризис быстро истощил ограниченные запасы лекарств, материалов и медицинского оборудования, и парацетамол начали отпускать по квотам. По заявлению президента Эмманюэля Макрона во время визита в один из исследовательских центров Sanofi, «[пандемия] продемонстрировала, что определённые препараты больше не производятся во Франции или Европе», и выдвинул европейскую инициативу по возвращению производства критически важных лекарственных средств (*Financial Times*, 30.07.2020).

Согласно пресс-релизу Sanofi, продажа бизнеса по производству массовых препаратов соответствует стратегии компании по «усилению фокуса на инновационных медикаментах и вакцинах» и её цели стать «чисто биофармацевтической компанией». В то же время Sanofi расширяет бизнес в онкологии. Последнее приобретение компании – доля в Ocano Med, дочерней структуре французской компании Ocano, занимающейся ядерным топливом, стоимостью 300 млн евро. Это было сделано с целью расширить свою деятельность на радиофармацевтику.

Применение против опухолей радиолигандной терапии предлагает новые перспективы и с точки зрения медицины, и с точки зрения бизнеса. Аналитики Morgan Stanley предсказывают, что радиофармацевтический рынок достигнет отметки в 39 млрд долл. к 2032 году. Другие крупные фармацевтические компании, такие как Novartis, AstraZeneca, Bayer, Eli Lilly и Bristol Myers Squibb, также потратили миллионы долларов на инвестиции и приобретения биотехнологических компаний в этой области (*Financial Times*, 08.08.2024).

Нестабильные рынки

Стратегия крупных фармацевтических компаний привела к сокращению производства традиционных лекарственных средств внутри ЕС. Nomisma, консалтинговая фирма со штабом в Италии, проанализировала производственные мощности по выпуску действующих веществ (активных фармацевтических субстанций, АФС) в Европе: европейская доля в глобальном производстве «упала с 53 % в 2000 до 25 % в 2020 году. [...] Значительное снижение сделало Европу сильно зависимой от других стран, особенно от Китая и Индии, где эксплуатационные и инвестиционные расходы ниже европейских на 20–40 %. На данный момент Китай и Индия поставляют на европейские рынки более 56 % всех АФС. Если учитывать ещё и промежуточные продукты, зависимость достигнет ещё большего значения в 74 %» (Osservatorio Nomisma, «Il Sistema dei farmaci generativi in Italia», 2023).

«Прогрессирующая глобализация фармацевтических цепочек поставок» привела к «углублению специализации деятельности», но в то же время стала «источником уязвимости», пишет Nomisma.

Длинная цепочка поставок – от активных субстанций до материалов для упаковки – более подвержена риску задержек и перебоев. Зависимость от небольшого числа производителей, а подчас и от единственного, или от одного географического региона представляет дополнительную угрозу для непрерывности поставок, особенно «в исторический период, характеризующийся нестабильностью рынков».

Пандемия COVID-19 подчеркнула уязвимость фармацевтических цепочек поставок, но она также привлекла внимание к преступной непредусмотрительности при формировании запасов медицинских препаратов, предусмотренных планами борьбы с пандемией.

Суверенитет и глобализация

В условиях противостояния держав перенос производства большей части массовых лекарственных препаратов в Азию стал вопросом «национальной безопасности».

Европейский экономический и социальный комитет (ЕЭСК) недавно предупредил, что «чрезмерная зависимость ЕС от импорта фармацевтического сырья и готовых препаратов из Азии представляет угрозу здоровью и благо-

получию граждан. [...] Эта зависимость от внешних поставщиков вызвала обеспокоенность относительно устойчивости ЕС к сбоям в цепочках поставок, волатильности цен и потенциальным геополитическим рискам». Комитет предложил принять закон о критически важных медпрепаратах, подразумевающий продвижение и финансовую поддержку в виде инвестиций в производство АФС и готовых фармацевтических продуктов в Европе (*A Critical Medicines Act to Secure Europe's Pharmaceutical Independence*, 21.12.2023).

Согласно отчёту, «зависимость от критически важного сырья, такого как АФС, стала очевидной, когда Китай и Индия ограничили экспорт. Согласно текущим данным, до 80 % АФС, используемых в Европе, и до 40 % готовых препаратов, продаваемых в Европе, привезены из Китая или Индии. Растущая зависимость Европейского союза от поставок АФС привела к частичной потере возможностей независимого производства АФС, что создаёт потенциальную угрозу здоровью населения в странах Европейского союза».

16 марта Еврокомиссия предложила закон о критически важном сырье, законодательную инициативу, которую Nomisma определила как «первый шаг» к защите «стратегической автономии во всё более фрагментированной и нестабильной обстановке». В этом году этот акт, предназначенный «гарантировать диверсифицированные, безопасные и устойчивые поставки сырья для промышленности союза» и сократить зависимость в стратегических секторах, вступил в силу (*EU Secures Access to Diversified, Affordable, and Sustainable Supply of Raw Materials*, 23.05.2024).

Лекарства и «слом порядка»

В США звучат sireны национальной безопасности. В отчёте сенатского комитета по национальной безопасности и правительственным делам, возглавляемого сенатором-демократом от Мичигана Гэри Питерсом, приводятся показания от 2019 года Кристофера Приста, в то время замдиректора по операциям здравоохранения в Агентстве здравоохранения Министерства обороны, которые он дал американско-китайской комиссии по вопросам экономики и безопасности. Прист с тревогой предупредил о «рисках для национальной безопасности, возникающих в связи с растущим доминированием Китая на мировом рынке активных фармацевтических ингредиентов», и заявил: «Если бы Китай ограничил или урезал поставки активных фармацевтических ингредиентов в Соединённые Штаты, это оказало бы пагубное воздействие на производство внутри США и могло бы привести к серьёзной нехватке фармацевтических препаратов как для внутреннего, так и для военного использования» (HSGAC, «Short Supply – The Health and National Security Risks of Drug Shortages», 2023).

Согласно отчёту, основные причины дефицита фармацевтических средств с тех пор так и не были устранены, а перебои распространились на поставки жизненно важных лекарственных средств, стационарную и экстренную медицинскую помощь. «Непрозрачность» цепочек поставок затрудняет обеспечение безопасности и контроль качества, который должно осуществлять соответствующее ведомство FDA. Кроме более низких издержек производства, Китай и Индия пользуются практиками «недобросовестной» конкуренции, субсидируя фармацевтическое производство и устанавливая демпинговые цены. В результате от

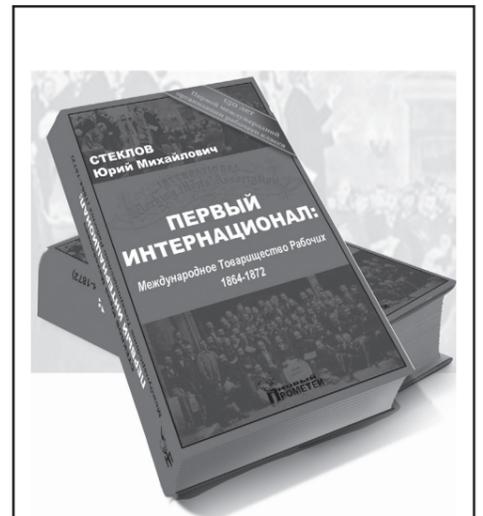
80 % до 90 % определённых фармацевтических продуктов производятся за рубежом, в частности, в Китае и Индии, а их нехватка в США в 2022 году увеличилась на 30 % по сравнению с 2021-м. Как заявил Питерс Сенату, «вместе эти основные причины не только вызывают серьёзную озабоченность по поводу предоставления адекватной помощи пациентам, но и являются серьёзной угрозой национальной безопасности» (*The New York Times*, 22.03.2023).

Борьба ведётся не только за препараты-дженерики. Китай и Индия увеличили свой инновационный потенциал в области биотехнологий. В 2023 году на мировой рынок были выведены 90 новых фармацевтических средств (химических и биологических), из них 25 – из Китая, 28 – из США и только 17 – из Европы, которая впервые опустилась до третьего места (EFPIA, «The Pharmaceutical Industry in Figures. Key Data 2024»).

9 сентября американская Палата представителей одобрила закон о биобезопасности, обсуждение которого сейчас идёт в Сенате. Законопроект запрещает «субъектам», получающим федеральное финансирование, использовать биотехнологии от компаний, связанных с иностранным конкурентом, на основании списка биотехнологических компаний, вызывающих «озабоченность» (Конгресс, 05.10.2024).

Американское превосходство в области биотехнологий не вызывает вопросов, но глубокая вовлечённость китайских компаний в американскую промышленность и науку расследуется.

Lotta comunista, ноябрь 2024 г.

Степлов Ю.М.

Первый интернационал:
Международное товарищество рабочих. 1864-1872

512 стр., твёрдый переплёт, издание дополнено предисловием издателя, биографией автора, приложением из документов Первого Интернационала, работ К. Маркса и Ф. Энгельса, относящихся к данной тематике, а также статей Д.Б. Рязанова «Международное товарищество рабочих. I. Возникновение первого Интернационала» (из книги: Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, кн. 1, М., 1924), хронологией, фотографиями, биографическим справочником, перечнем упомянутых в книге периодических изданий и примечаниями.

ISBN 978-5-9905528-1-4

Цена 450 руб.

Европейцы надевают доспехи

Неравномерное развитие – фундаментальный закон капитализма. На макроуровне это выражается в изменении баланса сил между государствами: атлантический упадок и восхождение Азии – такова ключевая динамика политических процессов нашей эпохи, включающая войны, вызванные кризисом порядка. Но дифференцированное экономическое развитие разворачивается и на более низком уровне, начиная с компаний и секторов: отсюда и различные условия для наёмных работников. Это необходимо иметь в виду для ведения эффективной оборонительной борьбы.

Это только начало

Электрическая и цифровая реструктуризация, навязанная конкуренцией на мировых рынках, затрагивает несколько производственных секторов. Автомобильная промышленность здесь наиболее заметна, не в последнюю очередь из-за известности компаний и брендов, которые в ней представлены. Мы уже сообщали о соглашениях, достигнутом перед новогодними праздниками в Volkswagen, суть которого сводится к сокращению 35 тысяч сотрудников к 2030 году. К этому можно добавить комментарий газеты *Zeit* (24 декабря): благодаря этому соглашению «крупнейший на континенте и долгое время самый уверенный в себе автопроизводитель в будущем станет совершенно не примечательным». Это большой удар по иллюзиям о возможности преодолеть неровности рынка с помощью совместного управления, символом которого был сам VW.

Упорная борьба рабочих смогла лишь сдержать отступление. Но она ещё не закончена. Руководство концерна снова переходит в наступление: раздаётся всё больше голосов о том, что согласованные меры экономии недостаточны и требуются дальнейшие сокращения. Их поддерживает семья Порше-Пиех, которая имеет большинство голосов в совете директоров и которая ещё до заключения соглашения призывала к более масштабным сокращениям. Тем временем в концерне появляются новые поводы для столкновений: Audi намерена закрыть завод в Бельгии и снизить зарплаты в Германии; Porsche планирует сократить 1.900 рабочих мест, что составляет 5% от общего числа сотрудников в Германии.

Две стороны реструктуризации

Индустрия автомобильных компонентов – сектор, наиболее пострадавший от преобразований, причём с двух точек зрения: электромобиль требует меньше компонентов, но даже те, кто уже перешёл на производство новых двигателей, теперь страдают от более слабого, чем ожидалось, рыночного спроса. Согласно отчёту CLEPA, европейской ассоциации производителей компонентов, в 2024 году в сфере поставок компонентов были уже потеряны 30 тысяч рабочих мест (*Financial Times*, 3 января). В одной Германии, ведущей автомобильной стране Европы, с 2019 года было ликвидировано 50 тысяч рабочих мест в секторе.

Компания Bosch уже объявила о ликвидации 12.500 рабочих мест, и «руководство не исключает, что сокращений будет ещё больше» (*Handelsblatt*, 3 февраля). Здесь тоже есть пища для размышлений о природе капитализма, ведь Роберт Бош, основавший компанию в конце XIX века, получил прозвище «Красный Бош» за свою приверженность социальному прогрессу: в Германии он одним из первых ввёл восьмичасовой рабочий день. Рынок разрушает все иллюзии.

Автомобильная промышленность – не единственный сектор, охваченный глобальной реструктуризацией. В Италии одним из секторов, наиболее затронутых и подорванных изменениями, является сектор бытовой техники: он был сильной стороной национальной экономики в годы «экономического чуда», а сегодня угасает под напором «экономического чуда» других стран. Знаменитые бренды перешли к иностранным концернам: Zanussi – к шведской Electrolux, Candy – к китайской Haier, Ignis – к турецкой Beko и так далее. Здесь неравномерное развитие показывает оба своих лица: в то время как работники в Италии вынуждены бороться за свои рабочие места, их турецкие товарищи требуют значительного повышения зарплат в условиях неконтролируемой инфляции.

Рынок, а не план

Кроме многочисленных кризисных компаний, в Италии есть сектора и компании, нанимающие сотрудников. Accenture, компания работающая в сфере стратегического консалтинга и эксплуатирующая 24 тысячи сотрудников в стране, планирует нанять ещё 4 тысячи человек; Engineering, компания в сфере цифровой трансформации с 10.500 сотрудников, ищет ещё 900; Ansaldo Energia планирует нанять 200 сотрудников к 2025 году; наконец, Stellantis намерена нанять 300 инженеров по Европе, 100 из них – в Италии.

Растущий дефицит рабочей силы показывает, что не хватает не только работников высокой квалификации. Председатель Confindustria Эмануэле Орсини предупреждает, что «уже сегодня» не хватает 100 тысяч работников, намекая на необходимость увеличить приток иммигрантов (*La Repubblica*, 26 января).

Конечно, рассчитывать на то, что всё будет уравновешено путём простого перемещения работников из одного сектора в другой, – надежда если не тщетная, то, по крайней мере, требующая длительного времени для воплощения, что не может успокоить тех, кого это касается. Существует несколько примеров: Hensoldt, крупная немецкая оружейная компания, испытывающая нехватку персонала в связи с ростом заказов, предложила принять около 200 работников, уволенных из групп по производству автомобильных запчастей, таких как Bosch и Continental (*Financial Times*, 1 февраля). Но этот шаг не предвещает ничего хорошего для человечества, когда их продукты пойдут на рынок военных конфликтов.

Фрагментация контракта

Существует ещё один фронт неравномерного развития, напрямую касаю-

Воине на Украине три года. Возможно, впереди уже просматривается перемирие, но европейцы пока лишь ошеломлены кризисом атлантических отношений и разворотом Америки. Трамп намерен договориться с Путиным, не считаясь с мнением Киева и ЕС; всё шире распространяется убеждение, что доверять Америке больше нельзя. Из уст Фридриха Мерца, очередного главы правительства Германии, звучат слова, немислимые для такого атлантиста, как он: нужно стать независимыми от Соединённых Штатов, Берлин должен договориться с Лондоном и Парижем о ядерной защите Европы. Неясно, можно ли приспособить НАТО в его нынешнем виде к этому «слому эпох», или же потребуются новые европейские структуры.

Возможно, ЕС нацелится на европеизацию НАТО, чтобы его центр тяжести переместился на Старый континент, и оно смогло бы сдерживать или компенсировать колебания США и непредсказуемые шаги их президента – гопника-главаря. Но уже в самом начале конфликта было ясно, что застигнутые врасплох европейцы попытаются отразить удар, снова взявшись за создание европейской обороны. Вооружить Украину, чтобы вооружить Европу. Это уже стало фактом: военные расходы ЕС за последние три года выросли в полтора раза, раздувшись с примерно 200 миллиардов евро до более чем 300 миллиардов, 2% от европейского ВВП. Однако теперь атлантический кризис ускоряет процесс. Планируется, что расходы на вооружение вырастут до 3%, приближаясь к 500 миллиардам евро, но они останутся неэффективным, если будет разделено на тысячу ручейков, а не централизовано в рамках общего командования и плана закупок. Вот почему Франция, Германия, Польша, Италия, Испания и Великобритания объединились в формате «пять + один»: это способ обойти неповоротливый формат «двадцати семи» и возвращение британцев в игру после обескураживающего Брексита. Возвращение Лондона в ЕС – это, возможно, первый непреднамеренный результат нового американского национализма.

Время покажет. Вашингтон всегда сдерживал стратегическую автономию Европы и будет разыгрывать свои карты, чтобы разделить её; Москва будет реагировать на ракетное и ядерное перевооружение ЕС. Даже Китай, несгибаемая сила во время кризиса старого порядка, скажет своё слово в новом балансе страха. Как бы то ни было, европеизм надевает доспехи. Интернационалистская оппозиция европейскому империализму сталкивается с новым вызовом.

шийся нашего класса: разница в оплате труда. Это не всегда связано с объективными условиями, часто это отражение слабости профсоюзов. Например, в попытках угнаться за инфляцией существенна роль национальных контрактов. Но именно по этому пункту очевидно отставание Италии: на конец 2024 года, по данным ISTAT, половина всех работников всё ещё ожидала продления контракта, а средний срок перезаключения соглашения, хотя и сокращается, составляет 22 месяца, почти два года с момента истечения.

В эссе, опубликованном в марте 2024 года в экономическом журнале *Moneta e credito*, подчёркивается фрагментация контрактов, причём не только из-за распространения так называемых «пиратских контрактов», но и из-за тех, что подписаны профсоюзами из конфедераций CGIL, CISL и UIL: 209 контрактов, подписанных этими организациями, охватывают в среднем 64 тысяч работников каждый; даже если учитывать только 11 крупнейших производственных контрактов, средний показатель составляет 334 тысяч. Вывод заключается в том, что при таких цифрах «профсоюзам не хватает переговорной силы для того, чтобы выполнять свою роль авторитета в области заработной платы». Кроме того, идея о том, что целью борьбы должна быть только корректировка заработной платы в соответствии с инфляцией, «ведёт к постоянной «победе» капитала над трудом», поскольку только он «выи-

грывает от улучшения технологий и повышения производительности».

Единство и независимость класса

Какие выводы можно сделать из этого краткого обзора? Прежде всего, профсоюзная борьба должна быть настолько широкой, чтобы она могла использовать силу наиболее благополучных элементов для защиты менее благополучных. С этой точки зрения центральное место занимают национальные контракты: распространение переговоров, ограниченных рамками отдельных компаний, усилит фрагментацию. Поэтому мы должны сконцентрироваться именно на тех контрактных спорах, которые всё ещё остаются открытыми, не растрачивая при этом энергию.

В то же время мы должны остерегаться корпоративистских, националистических, проевропейских призывов, которые всегда ждут своего часа. Позиция «мы все в одной лодке» в конечном счёте отождествляет интересы рабочих с интересами капитала, и эта точка зрения, к сожалению, присутствует и в профсоюзном мире. С ней необходимо бороться, чтобы не оказаться втянутыми в социал-империализм и протекционизм.

В конечном счёте, необходимо учитывать, что речь идёт о капитализме: профсоюзная борьба может, если она правильно направлена, смягчить острые углы, но не сгладить противоречивую реальность. Главный путь – это борьба за коммунизм.

Lotta comunista, февраль 2025 г.

Бомба атомная и бомба водородная

Первая водородная, или термоядерная, бомба была взорвана 11 ноября 1952 года на острове Элугелаб (Маршалловы острова) в Тихом океане. Мощность взрыва составила 11 мегатонн, что в 800 раз превысило мощность бомбы, сброшенной на Хиросиму; но даже более разрушительной, чем радиация, была тепловая волна, радиус которой достиг 56 км. Это была даже не бомба, а экспериментальное устройство весом 74 тонны, которое не подлежало транспортировке по воздуху. СССР впервые испытал водородную бомбу 12 августа 1953 года.

8 декабря на Генеральной Ассамблее ООН президент США Дуайт Д. Эйзенхауэр в своей речи «Атом для мира» объявил о мирном использовании ядерной энергии. Насколько этот атом предназначался «для мира», стало ясно три месяца спустя, когда 1 марта 1954 года США взорвали на атолле Бикини термоядерную бомбу, которая была в тысячу раз мощнее сброшенной на Хиросиму: 14 мегатонн, что было в 10 раз больше совокупной мощности всех бомб, сброшенных на Германию во время войны. На этот раз бомбу можно было перевозить на самолёте. За США последовали Великобритания в мае 1957 года, Китай в 1967-м и Франция в 1968-м (по версии *Enciclopedia Britannica*, испытание, проведённое Индией в 1998 году, не было термоядерным). В 1990 году в арсеналах по всему миру хранились около 40 тыс. термоядерных устройств. После распада СССР и переговоров о сокращении вооружений в настоящее время насчитывается около 12,5 тыс. ядерных бомб, но и этого более чем достаточно для уничтожения человечества.

Конкуренция между проектами с графитом и тяжёлой водой

Популяризация истории проекта «Манхэттен», сфокусированная на Лос-Аламосской лаборатории, часто затушевывает тот факт, что в его рамках конкурировали друг с другом несколько подходов. При создании атомной бомбы нужно было сделать выбор между обогащённым ураном, производимым различными способами, и плутонием, полученным в реакторах на природном уране. Один и тот же плутоний можно было получить в разных реакторах с замедлителем либо на основе графита, либо на основе тяжёлой воды. Бомба, сброшенная на Хиросиму, была изготовлена с применением обогащённого урана, а сброшенная на Нагасаки – с применением плутония. Обилие ресурсов позволило США пойти обоими путями одновременно: 2 декабря 1942 года в Чикагской металлургической лаборатории была реализована цепная реакция с природным ураном и графитом, а в мае 1944 года – снова под руководством Энрико Ферми (1901–1954) – был построен первый в мире тяжеловодный реактор. После второй мировой войны монополия на атомную бомбу принадлежала США. Поскольку мощности графитовых реакторов в Хэнфорд по производству плутония казались недостаточными для производства атомных бомб, вариант с добычей плутония в тяжеловодных реакторах был отброшен, а производственные мощности по производству тяжёлой воды закрыты.

Ситуация радикально изменилась в августе 1949 года, когда свою первую атомную бомбу взорвал СССР. В мае 1980 года в докладе «Тяжёлая вода и не-

распространение», подготовленном Масачусетским технологическим институтом для Министерства энергетики США, было написано, что атомная бомба СССР дала толчок американским исследованиям в области водородной бомбы. Для её производства, помимо плутония, требовались два изотопа водорода – дейтерий и тритий. Заводы по производству тяжёлой воды были вновь открыты. Дейтерий, ядро которого состоит из одного протона и одного нейтрона, содержится в молекулах воды в естественном виде в количестве около 156 частей на миллион и по технологиям того времени получался с помощью различных процессов дистилляции. Тритий, ядро которого содержит один протон и два нейтрона, получали в реакторах с тяжёлой водой.

Водородная бомба

В 1905 году Альберт Эйнштейн вывел формулу $E = mc^2$ – энергия равна массе, умноженной на квадрат скорости света. Теория обогнала технологию, физик обогнал инженера. Спустя десятилетия стало ясно, что эта формула отвечает на вопрос, который веками озадачивал учёных: почему светит Солнце?

Реакции внутри звёзд были изучены в 1930-х гг. Гансом Альбрехтом Бете (1906–2005), немецко-американским физиком-теоретиком, получившим Нобелевскую премию в 1967 году за работу над теорией ядра звёзд. В недрах Солнца при температуре 15 млн градусов Цельсия происходит процесс, известный как термоядерный синтез: четыре атома водорода, пройдя через ряд превращений, описание которых мы здесь опустим, сливаются, образуя атом гелия.

Атомная масса водорода равна 1,008 а. е. м.: сумма масс четырёх атомов водорода даёт 4,032 а. е. м., а атомная масса гелия – 4,003 а. е. м. Разница между исходной массой атомов водорода и конечной массой атома гелия (4,032 – 4,003) даёт потерю атомного веса в 0,029 а. е. м. (недостающая масса): часть её превращается в позитроны и нейтрино, другая часть, согласно закону $E = mc^2$, преобразуется непосредственно в энергию (American Museum of Natural History, «*The Sun and the Atom Bomb*»).

В 1942 году Ферми, проведя первую цепную ядерную реакцию, предположил, что процесс деления в будущей атомной бомбе может быть использован для запуска термоядерной реакции того же типа, что происходит в центре Солнца. Ядра дейтерия могли бы превратиться в ядра гелия, если бы ядерный взрыв, вызванный делением плутония, поднял температуру в будущей бомбе до 400 млн градусов Цельсия. Более высокая температура была необходима из-за более низкого, чем в ядре Солнца, давления в водородной бомбе.

Ещё до того, как 16 июля 1945 года в Аламогордо была изготовлена атомная бомба, учёные уже думали о следующем шаге – как использовать её для создания водородной бомбы. Когда в 1943 году была основана Лос-Аламосская лаборатория, одной её из первоначальных целей было исследование водородной бомбы. Необходимым условием для создания последней была атомная бомба на основе деления плутония, которая должна была инициировать реакцию синтеза. Поэтому было решено, что небольшая группа физиков-теоретиков под руководством Эдварда Теллера

(1908–2003) изучит возможность создания этого нового разрушительного устройства (Jim Baggott, «*Atomic: The First War of Physics and the Secret History of the Atom Bomb 1939–49*», 2009)

Расчёты группы Теллера привели к поразительным результатам: 12 кг дейтерия имели бы силу взрыва, равную силе миллиона тонн тротила (1000 килотонн). Бомбы в Хиросиме и Нагасаки имели мощность порядка 20 тыс. тонн (20 килотонн).

Легко транспортируемая бомба

Сконструировав водородную бомбу, физики с помощью теории и её технологического применения инженерами создали на Земле Солнце, но не для того, чтобы питать жизнь, а для того, чтобы её уничтожить. За успешной индустриализацией науки стояли политические и военные соображения.

Но в этой статье мы ограничимся лишь военно-технической интерпретацией: её изложил один из создателей бомбы Ричард Лоуренс Гарвин (американский физик 1928 г. р.) в своей книге 2002 года «*Megawatts and Megatons*», написанной после падения Берлинской стены и распада СССР вместе с Жоржем Шарпаком (1924–2010), лауреатом Нобелевской премии по физике 1992 года.

Их тезис заключается в том, что недостаточно сделать бомбы, их нужно транспортировать, а для облегчения транспортировки нужно снижать соотношение между массой устройства и его взрывной мощностью. Они приводят такие данные: 6 кг плутония достаточно для создания дейтерий-тритиевой водородной бомбы, которая соответствовала бы по мощности атомной бомбе с 2 тоннами плутония. Масса урана в 238 раз больше массы водорода, масса плутония – в 244 раза, масса дейтерия – всего в 2 раза.

В водородной бомбе замена части тяжёлого плутония лёгкими дейтерием и тритием значительно уменьшает общую массу, что облегчает её транспортировку на самолётах, ракетах или подводных лодках. Водородная бомба проще в использовании, чем атомная. По мнению авторов, её производство позволило разработать тактические ядерные бомбы. С ними ядерная стратегия изменилась от «массированного возмездия» к «гибкому ответу» (Henry Kissinger, «*Nuclear Weapons and Foreign Policy*», 1957).

Масса бомбы, сброшенной 9 августа 1945 года на Нагасаки, составляла 4,670 кг, 6,4 из которых – плутоний, и имела мощность взрыва в 21 килотонну. Что касается тактических термоядерных бомб, то масса «В28», производившейся с 1958 по 1966 год, составляла 1.300 кг и в зависимости от модели имела мощность от 70 до 1.450 килотонн; масса «В43», производившейся в 1959–1965 гг., равнялась 950 кг и потенциал от 70 до 1.000 килотонн; масса «В61», пик производства которой пришёлся на 1968 год, – 324 кг и мощность в зависимости от модели от 0,3 до 400 килотонн. Разработка водородной бомбы позволила уменьшить вес атомной бомбы в 14 раз по сравнению с бомбой, сброшенной на Нагасаки, увеличив при этом её разрушительную силу.

25 июля 1950 года президент США Гарри Трумэн поручил химической компании DuPont разработать, произвести и разместить составные элементы водородной бомбы – плутоний,

дейтерий и тритий. Её разрушительная сила была такова, что она могла стереть с лица земли целый город, даже если бы упала далеко от цели. «Прежде никто и никогда не убивал 35 миллионов человек на листе бумаги», и именно это сделали аналитики RAND Corporation в конце 1951 года в составе целевой группы, которая должна была представить военные возможности новой водородной бомбы, пишет Фред Каплан в своей книге 1983 года об истории ядерных страстей «*The Wizards of Armageddon*».

В то время погрешность попадания межконтинентальной ракеты составляла 10 миль. Через месяц после известия о взрыве, осуществлённом СССР, для изучения проблемы Джон фон Нейман (1903–1957), один из величайших математиков всех времён, который также был экспертом в области баллистики и ядерной физики, был назначен руководителем специальной комиссии, которая впервые собралась в сентябре 1953 года. Фон Нейман рассчитал, что сочетание водородной бомбы с межконтинентальными баллистическими ракетами (МБР) приведёт к созданию «абсолютного оружия»: даже если оно промахнётся мимо цели на десятки миль, оно всё равно уничтожит её. По мнению журнала *Fortune*, «сброс бомбы на расстоянии восьми или десяти миль от центра цели теперь казался приемлемым с военной точки зрения» (Robert Jungk, «*Brighter than a Thousand Suns*», 1956).

300.000 смертей от экспериментов в атмосфере

После речи Эйзенхауэра «Атом для мира», произнесённой в 1953 году, началась всемирная гонка, в ходе которой проводились ядерные эксперименты в атмосфере. Это позволило получить подробную информацию о технологическом развитии этого оружия. Эти взрывы распространили радиоактивные материалы и плутониевые отходы: 528 атмосферных ядерных испытаний, согласно оценкам, привели к 300 тыс. смертей среди жителей планеты (R. L. Garwin, *op. cit.*). В 1963 году был подписан Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, космическом пространстве и под водой: он запретил все испытания ядерного оружия, за исключением тех, которые проводятся под землёй. После завершения экспериментов и накопления всех научно-технических данных можно было и запретить испытания в атмосфере, необходимость в которых отпала.

История показывает, что у каждой технологии есть двойное применение: «чистая» энергия воды, предоставленная Администрацией долины Теннесси, была использована для обогащения урана, предназначавшегося для бомбы, сброшенной на Хиросиму, а нейтральные на первый взгляд реакторы на тяжёлой воде проложили путь к созданию водородной бомбы. Технология – это инструмент, которым располагает человечество для господства над природой, но её использование зависит от социальных отношений между классами: это две разные сферы, хотя и тесно связанные. Сегодня рычаги принятия решений об использовании различных видов энергии находятся в руках конкурирующих между собой империалистических держав.

Обобществление труда для массового уничтожения

Несмотря на то, что в истории создания атомной бомбы основное внимание историков и медиа приковано к Лос-Аламосу и физику Роберту Оппенгеймеру (1904–1967), всего в её разработке были задействованы четыре основных научно-промышленных центра: Металлургическая лаборатория (Met Lab) в Чикаго, где проводились исследования цепной реакции и плутония; Хэнфордский инженерный завод (Хэнфордский комплекс) в штате Вашингтон, задачей которого было производство плутония; Клинтонский инженерный завод в Ок-Ридже (штат Теннесси), производивший обогащённый уран; Лос-Аламосская лаборатория (штат Нью-Мексико), централизовавшая научные исследования в области проектирования и создания атомных бомб.

Старт Манхэттенского проекта

В этой статье мы сосредоточимся на Хэнфордском комплексе, информация о котором оставалась засекреченной по соображениям национальной безопасности в течение почти 50 лет, со второй мировой войны до падения Берлинской стены. Нашим основным источником является официальный документ, подготовленный Тихоокеанской северо-западной национальной лабораторией для Министерства энергетики США ("Hanford site historic district", US Department of Energy, 2003).

Произведя рекордные 54,5 тонны плутония, 60 % от всего изготовленного в США, Хэнфордский комплекс выполнил свои задачи в рамках Манхэттенского проекта и холодной войны. Это конкретный пример индустриализации науки: создание плутония было совершенно новой задачей, этот элемент редко встречается в природе, и производить его в промышленных масштабах было очень сложно¹.

При решающем влиянии доклада MAUD и указаний президента Франклина Д. Рузвельта (1882–1945), 6 декабря 1941 года были организованы исследования по обогащению урана² и налажено производство плутония. 7 декабря произошло нападение Японии на Перл-Харбор, за которым сразу же последовало вступление США в войну.

В январе 1942 года в Чикаго была открыта металлургическая лаборатория. Здесь под руководством Гленна Т. Сиборга (1912–1999) проводились эксперименты по поиску методов промышленного производства плутония, в координации со строительством ядерного реактора Энрико Ферми (1901–1954) для получения первой в истории цепной реакции. Работа этих двух учёных заложила предпосылки для производства плутония в промышленных масштабах и создания атомной бомбы: Манхэттенский проект мог стартовать.

По своей стоимости он был сопоставим с суммой основных фондов двух крупнейших промышленных компаний США вместе взятых: United States Steel и General Motors, – в которых работали десятки тысяч человек. Если бы он потерпел неудачу, это было бы равносильно уничтожению General Motors и United States Steel. Риск неудачи был высок, писали авторы отчёта "Hanford site historic district": «Никто не мог гарантировать, что США обгонят Германию в гонке за бомбой, но к началу 1943 года Манхэттенский проект пользовался полной поддержкой Рузвельта и военно-

го руководства, услугами самых выдающихся учёных, а также чувством срочности, вызванным страхом».

В дело вступают военные

23 мая 1942 года Корпус инженеров Армии США взял на себя управление Манхэттенским проектом, передав его 17 сентября под руководство генерала армии Лесли Гровса (1896–1970). 15 октября Гровс поручил Оппенгеймеру руководство лабораторией, в которой должны были быть сосредоточены все исследования по разработке и созданию атомной бомбы. 16 ноября Гровс и Оппенгеймер выбрали Лос-Аламос, штат Нью-Мексико, в качестве места создания Лос-Аламосской лаборатории.

Корпус инженеров Армии США отвечал за выбор места, где будет построен реактор для производства плутония. Нужно было найти малонаселённый район, который можно было бы эвакуировать в случае взрыва реактора. Ядерная наука и технологии ещё не были достаточно исследованы, но шла война: учёные, инженеры, рабочие и военные Манхэттенского проекта рисковали своими жизнями также, как солдаты на фронте. Под строительство реактора требовалось найти несельскохозяйственные земли, с наличием местных запасов гравия для производства цемента и близких источников угля и нефти, чтобы снизить транспортные расходы.

Чтобы уложиться в срок, необходимо было быстро найти огромное количество специалистов, рабочей силы, строительных материалов, товаров, которые были в дефиците из-за войны. Требовалась также полная секретность, несмотря на огромные размеры новых объектов и создание целого города. Потребности Манхэттенского проекта требовали быстрой реализации, несмотря на использование неопробованных технологий. Впоследствии генерал Гровс говорил: «Ранее ничего подобного даже не пытались осуществить, но мы не могли позволить себе ждать».

Строительство Хэнфордского комплекса

Для размещения Хэнфордского инженерного завода была выбрана река Колумбия, потому что её холодные воды могли служить для рассеивания огромного количества тепла, выделяемого при ядерном делении внутри реактора. Излишки электроэнергии за один год и без установки дополнительного оборудования обязалось предоставить Управление энергетики Баневилла, распоряжавшееся плотинами Гранд-Кули и Баневилл. Возможность передачи электроэнергии на большие расстояния сделала Хэнфорд ещё более привлекательным. Атомная энергия – высшая точка развития научной энергетики, также зависела от географии: ей нужны были реки и электричество. Наука, промышленность, технологии, правительство, армия, университеты и география оказались связаны воедино. Новый курс также стал одним из условий американского успеха в создании атомной бомбы.

При строительстве Хэнфордского комплекса армия насильно выселила 1500 человек, которые потеряли свои дома и территорию. Это были индейцы ванапам ("люди реки"): их связь с этой землёй была очень древней, они жили охотой и

рыболовством, но Манхэттенский проект нуждался в этой территории. Только в 1997 году им было разрешено вернуться, чтобы увидеть места, которые они считали священными, и которые их заставили покинуть. Для найма рабочей силы компания Du Pont, сотрудничая с агентствами по трудоустройству, Комиссией по военным кадрам и Службой занятости США, провела агрессивную рекламную кампанию в 47 из 48 штатов США, а также на Аляске и в Канаде. Незатронутым остался Штат Теннесси, поскольку он был местом вербовки на Клинтонский инженерный завод по обогащению урана.

Поскольку война привела к нехватке рабочей силы, рабочим предлагали двойную зарплату. Были наняты 45 тысяч человек, из них 13 % женщин, 16 % чернокожих. Последние работали отдельно от остальных сотрудников. Американская империалистическая демократия, борющаяся против нацизма и расизма, была не без греха – Закон о гражданских правах, закрепивший равные права чернокожих американцев, был принят только в 1964 году. В 1944 году население Хэнфорда достигло 60.000 человек, что сделало его самым большим избирательным округом в США и самым большим почтовым отделением в мире.

26 сентября 1944 года самый большой ядерный реактор в мире был собран. Как предполагал Нильс Бор в марте 1939 года, производство ядерного оружия оказалось сложной цепью комплексных производственных операций, осуществляемых на множестве объектов. Манхэттенский проект представлял собой большую фабрику, которая простиралась по всей территории Соединённых Штатов и следовала принципам разделения труда крупной промышленности.

В производстве ядерного оружия, атомной и позже водородной бомбы задействованы восемь основных процессов: добыча и очистка урана; изотопное разделение урана, лития, бора и тяжёлой воды; производство топлива для ядерных реакторов; химическое разделение плутония, урана, трития; эксплуатация реакторов для производства ядерных материалов; производство компонентов; производство бомб и их обслуживание; сопутствующие исследования и разработки. Ни один завод не мог делать всё в одиночку; все они были связаны в единый реальный процесс,

направляемый мозгом национального планирования, но никто из работавших на одном заводе не знал, что делается на других и почему.

К концу 1944 года Хэнфорд полностью подготовил плутоний к отправке в Лос-Аламос. 9 августа 1945 года бомба, созданная здесь с использованием плутония из Хэнфорда, была сброшена на Нагасаки, город с населением 240 тысяч человек. В результате взрыва погибло 74 тысячи человек. В последующие годы из-за воздействия радиации число жертв возросло до 149 тысяч человек. Одна бомба, плод индустриализации науки в руках империалистической державы, одним махом уничтожила две трети населения японского города.

Lotta comunista, ноябрь 2023 г.

1 – См. "Манхэттенский проект" // Пролетарский интернационализм № 77, январь 2021.

2 – См. "Британские исследования и американский капитал" // Пролетарский интернационализм №105, июнь 2023; "Атомное соперничество между союзниками" // Пролетарский интернационализм № 106, июль 2023.

Ренато Пасторино
Беспрецедентная задача

184 страницы, мягкий переплёт,
биографический справочник

ISBN 978-5-9905528-3-8

Цена 200 руб.

Учёные и капитал

Отношения между ядерными физиками и политической властью иллюстрируют две книги. Первая – “Ярче тысячи солнц” Роберта Юнга, впервые опубликованная в Берне в 1956 году (“*Heller als tausend Sonnen*”; русский перевод с сокращениями вышел в 1961 г.). Это один из лучших текстов по истории атомной бомбы, поскольку в нём через личные интервью раскрывается точка зрения самих учёных-атомщиков, живших на тот момент. Часть этой книги посвящена взлёту и падению «отца атомной бомбы» – научного руководителя Лос-Аламосской лаборатории Роберта Оппенгеймера (1904–1967).

Другой текст – книга “*Scientists in Power*” (“Учёные во власти”) Спенсера Р. Уирта, бывшего директора Центра истории физики Американского института физики (AIP), опубликованная в США в 1979 году и во Франции в 1980 году под названием “*La Grande Aventure des Atomistes Français*” (“Великое приключение французских атомистов”). В нём раскрывается основополагающая и малоизвестная роль французских учёных в разработке атомной бомбы и описываются их сложные отношения с властью.

В этой статье мы обсудим только те части двух текстов, которые касаются взаимоотношений учёных и политики.

Роберт Оппенгеймер

16 июля 1945 года в Аламогордо, штат Нью-Мексико, была взорвана первая атомная бомба. Все наблюдатели, присутствовавшие при этом событии, были парализованы эмоциями, и, по словам Юнга, в голове Оппенгеймера промелькнул отрывок из священного индуистского гимна “Бхагавадгита”: «Если сияние тысячи солнц вспыхнуло бы в небе, это было бы подобно блеску Всемогущего. [...] Я стал смертью, разрушителем миров». Так говорил в поэме Шри Кришна, владыка судеб смертных, но Оппенгеймер был лишь человеком, которому была дарована огромная власть, комментирует Юнг.

После бомбардировок Хиросимы и Нагасаки Оппенгеймер стал кумиром американцев. Учёные из Лос-Аламоса встретили новости о применении бомбы в Хиросиме с энтузиазмом, изумлением и криками радости. Для таких же людей, как Альберт Эйнштейн (1879–1955), которые пытались предотвратить её использование, 6 августа 1945 года стало днём траура.

В глазах всего мира создатели бомбы стали мифическими, сверхчеловеческими фигурами. Учёных-атомщиков начали превозносить за то, что они выступили «блестящими помощниками смерти», говоря словами биолога Теодора Хаушки из его полного горечи открытого письма Оппенгеймеру, и это обостряло муки совести самых чувствительных представителей научного сообщества.

Покинув пост руководителя Лос-Аламосской лаборатории, Оппенгеймер поддерживал тесные отношения с правительством. Он стал «оракулом» дипломатов и стратегов, «учёным-политиком», серым кардиналом Госдепартамента и Пентагона.

Оппенгеймер считал себя духовным лидером политической и военной элиты, но его друзья считали, что влияние Вашингтона на него было больше, чем его влияние на Вашингтон. Его коллеги-физики чувствовали, что Оппенгеймер больше не был одним из них. Один

его коллега и последователь сказал: «Когда он называл заместителя госсекретаря Дина Ачесона “Дином” и даже начальника штаба Маршалла просто “Джорджем”, я чувствовал, что мы больше не принадлежим к одному кругу и что наши пути должны разойтись. Я думаю, его слава и новое положение вскружили ему голову, так как он начал считать себя добрым богом, который может устроить всё в этом мире».

Падение Оппенгеймера

В ноябре 1953 года директор ФБР Эдгар Гувер (1895–1972) направил отчёт всем заинтересованным правительственным органам, а также президенту Дуайту Эйзенхауэру (1890–1969), в котором заявил, что Оппенгеймер, «вероятно, был тайным советским агентом». В совершенно секретной служебной записке генеральному прокурору, подписанной президентом 3 декабря, говорилось, что, согласно сообщениям ФБР, между рассматриваемым субъектом, то есть Оппенгеймером, и всеми сферами правительства должна быть возведена «глухая стена». Эйзенхауэр был республиканцем и выиграл президентские выборы в ноябре 1952 года, отбрав президентский пост у демократической администрации, с которой сотрудничал Оппенгеймер.

С 12 апреля по 6 мая 1954 года Комиссия по атомной энергии (АЕС) провела слушания по вопросу отзыва разрешения Оппенгеймера на доступ к совершенно секретной информации, связанной с национальной безопасностью. С самого первого момента коллеги почти единогласно встали на его сторону, но только в очень редких случаях это было проявлением сочувствия, отмечает Юнг. Они слишком хорошо знали историю его колебаний и компромиссов с 1945 года, чтобы видеть в нём стойкого защитника человечества, поэтому поддерживали его из личных интересов. Если бы они позволили принудить научного советника правительства отчитываться за высказанные мнения и грозить ему увольнением, то же самое могло бы случиться с любым из них.

Оппенгеймер не был пацифистом: он решительно выступал за мощный ядерный арсенал США, но колебался относительно разработки водородной бомбы. Из-за его репутации отца атомной бомбы атака против него стала сигналом всем учёным: никаких сомнений в вопросах национальной безопасности не допускается. Оппенгеймер стал жертвой политической системы, с которой до тех пор тесно сотрудничал.

Самым важным политическим элементом правительственного процесса было то, что если самого отца атомной бомбы можно было объявить неблагоннадёжным, то это тем более можно было бы сделать с любым учёным, независимо от того, насколько он был известен. Это была не просто личная история отдельного человека, а общая картина отношений между физиками-ядерщиками и политической властью. Оппенгеймер был лишён допуска к секретной информации.

В интерпретации Юнга вопрос, который следовало задать Оппенгеймеру как учёному, звучал не как «были ты лоялен к государству?», а «были ты предан человечеству?». На наш взгляд, корень этой этической дилеммы, терзавшей совесть некоторых учёных, возможно, и самого Оппенгей-

мера, лежал в неразрешимом противоречии в капиталистической системе между развитием производительных сил, частью которого является наука как фактор прогресса человечества, и социально-классовыми отношениями, на которых основана международная система государств и в которых наука является подчинённым инструментом борьбы между великими державами.

Падение Фредерика Жолио-Кюри

Фредерика Жолио-Кюри (1900–1958) постигла та же участь, что и Оппенгеймера. В вышеупомянутой книге Уирт анализирует французский вклад в разработку ядерного оружия, уделяя особое внимание отношениям между учёными и властью.

В предыдущих статьях мы уже писали о роли Жолио-Кюри и других французских исследователей в развитии ядерной физики. Жолио-Кюри, один из величайших учёных-атомщиков XX века, был членом Французской компартии (ФКП) и не боялся рисковать своей жизнью в борьбе с нацизмом. Обладавший выдающимися научными и организаторскими способностями, он был решительным по характеру, в противоположность такому полному сомнений человеку как Оппенгеймер. Однако у них было нечто общее – иллюзия, что они могут влиять на ядерную политику своих правительств.

18 октября 1945 года во Франции был официально создан Комиссариат по атомной энергии (СЕА), и, несмотря на своё членство в ФКП, связанной с империализмом СССР, Жолио-Кюри был назначен верховным комиссаром СЕА. Эта должность делала его ответственным за все научные и технические программы. Под его руководством французские учёные, работавшие над канадскими ядерными проектами, 15 декабря 1948 года изготовили первый французский атомный реактор на тяжёлой воде. Следующим шагом должно было стать производство плутония, сырья для атомной бомбы, что Жолио-Кюри публично отверг: «Если завтра нас попросят заняться военной работой, сделать атомную бомбу, мы ответим “нет”».

С началом “холодной войны” Жолио-Кюри стал противоречивой фигурой: его влияние в СЕА, где 65 % высших руководителей были членами ФКП, было очень сильным. В марте 1950 года Жолио-Кюри посетил конгресс “Партизанов за мир” – международной пацифистской организации, основанной в апреле 1949 года в Париже. Несмотря на добрые намерения своих членов, включая Альберта Эйнштейна, движение использовалось русским империализмом против американского.

Жолио-Кюри провозгласил свою независимость от французского правительства и подтвердил, что, если его попросят создать ядерное оружие, он откажется. Это было его глубокое моральное убеждение. Однако, поскольку он был главой СЕА, его позиция была не только личной, но и политической.

15–19 марта 1950 года на стокгольмском съезде “Партизанов за мир” Жолио-Кюри, будучи его председателем, выступил с инициативой принятия Стокгольмского воззвания – международной петиции о запрещении всего ядерного оружия. Результатом стало его увольнение с поста главы СЕА. Это был конец иллюзии

учёных-ядерщиков о том, что они могут влиять на политические события только потому, что знают секреты создания самого страшного оружия в мире – атомной бомбы.

Индустриализация науки

Если наука открывает людям тайны природы, то она должна выйти из лабораторий и пойти в промышленность, чтобы принести реальные результаты: это то, что мы называем индустриализацией науки.

Личные трагедии Оппенгеймера и Жолио-Кюри сигнализировали о глубокой трансформации. В то время как на раннем этапе современная наука в основном делалась сильными и блестящими личностями, вторая мировая война ознаменовала поворотный момент в её индустриализации. Из мастерской мелкого ремесленника естественные науки перешли в крупные организации, которые подчинили отдельных учёных. Развитие капитализма превратило учёных из предпринимателей-ремесленников в наёмных работников, хотя и находящихся в привилегированном положении по сравнению с большой массой наёмных работников. Манхэттенский проект в США и СЕА во Франции были крупными централизованными организациями, переплетёнными с промышленными предприятиями и правительствами.

«[...] накопление знаний и навыков, накопление всеобщих производительных сил общественного мозга поглощается капиталом в противовес труду и поэтому выступает как свойство капитала, а более определённо – как свойство основного капитала, коь скоро он вступает в процесс производства в качестве подлинного средства производства» (Карл Маркс, “Экономические рукописи 1857–1859 годов”) ¹.

Личные трагедии Оппенгеймера и Жолио-Кюри являются частью более масштабного процесса – подчинения науки силам капитала.

Lotta comunista, март 2024 г.

1 – Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 46. Ч. II. С. 205.

Ренато Пасторино
Их политика и наша политика

288 страниц, твердый переплет,
список аббревиатур, хронология,
библиография,
биографический справочник.

ISBN 978-5-6042357-2-0

Цена 350 руб

Переплетение военной и гражданской ядерной энергетики

«Если сияние тысячи солнц вспыхнуло бы в небе, это было бы подобно блеску Всемогущего. [...] Я стал смертью, разрушителем миров», – считается, что этими словами из священного индуистского текста Роберт Оппенгеймер (1904–1967) отреагировал на испытательный взрыв первой атомной бомбы 16 июля 1945 года в Аламогордо, штат Нью-Мексико (Jungk R., “Brighter than a Thousand Suns”, 1958).

Слово двум учёным

В таком сложном с научной, технологической и политической точек зрения вопросе, как ядерное оружие, одним из наших источников стала книга “Mega-watts and Megatons” (2002), написанная двумя авторитетами в этой области – Ричардом Л. Гарвином и Жоржем Шарпаком.

Гарвин родился в Кливленде, штат Огайо, в 1928 году и до сих пор здравствует. Он получил степень бакалавра по физике в Технологическом институте Кейса в Кливленде в 1947 году и докторскую степень в Чикагском университете в 1949-м. После окончания университета устроился преподавателем на факультет физики, а каждое лето в качестве консультанта участвовал в работе Лос-Аламосской национальной лаборатории. В 1952 году Эдвард Теллер (1908–2003) поручил ему разработку проекта создания первой водородной бомбы. В декабре 1952 года Гарвин перешёл в лабораторию Уотсона компании IBM, где проработал до выхода на пенсию в 1993 году. Гарвин входил в состав Консультативного совета по науке при президенте США с 1962 по 1965 год и с 1969 по 1972 год при Кеннеди, Джонсоне и Никсоне.

Шарпак (1924–2010) – французский физик польского происхождения, получивший в 1992 году Нобелевскую премию по физике. В 1948 году он окончил одну из самых престижных инженерных школ Франции – Горную школу Парижа. Во время второй мировой войны Шарпак участвовал в движении Сопротивления, и в 1943 году вишистская администрация бросила его в тюрьму. В 1944 году был депортирован в нацистский концлагерь Дахау, где оставался до поражения Германии. В 1949 году он стал студентом Фредерика Жолио-Кюри в Коллеж-де-Франс. В том же году Жолио-Кюри руководил строительством первого французского ядерного реактора. Шарпак работал в Национальном центре научных исследований (CNRS). В 1959 году он стал сотрудником Европейской организации ядерных исследований (ЦЕРН) в Женеве, откуда ушёл на пенсию в 1991-м.

В книге представлены взгляды двух учёных – американца и француза, – которые принимали участие в разработке как гражданских, так и военных ядерных технологий. Значительная часть этого текста посвящена переработке ядерных

отходов – важнейшему элементу создания атомного оружия.

Мировой запас плутония

Сегодня в мире имеется 13,4 тыс. ядерных боеголовок (данные ISPI), причём чтобы уничтожить человечество, согласно докладу ООН о народонаселении 2023 года, достаточно было бы взорвать примерно 400 атомных бомб.

Для создания бомбы необходимо 6 кг плутония. По данным отчёта “INFCIRC/549” Международного агентства по атомной энергии, по состоянию на 31 декабря 2022 г. мировое количество плутония, заявленного как гражданский, составляло около 370 тонн (т). Лишь 140 т этого материала находятся под международной защитой (МАГАТЭ или Евратома). Остальные 230 т не находятся под охраной, но на них распространяются различные обязательства не использовать материал в военных целях. Потенциально, если оставить эти обязательства в стороне, мир имел бы запасы плутония, достаточные для создания 62 тыс. атомных бомб.

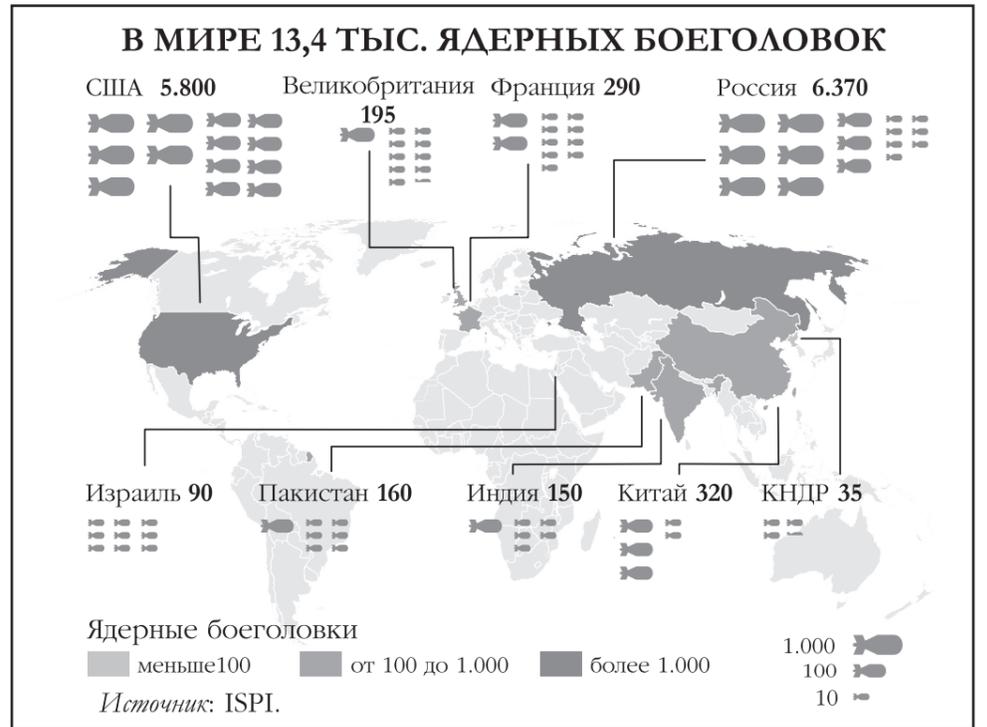
Япония сообщила, что располагает в общей сложности 45,1 т плутония, из которых 9,2 т находятся в стране, что потенциально эквивалентно 1,5 тыс. атомным бомбам. Остальные 35,9 т находятся во Франции, где перерабатываются все японские отходы. Другими странами, заявившими о наличии у них запасов плутония, являются Франция (106,2 т), США (49,2 т), Великобритания (116,4 т) и Россия (64,5 т). Этот плутоний является результатом переработки отходов АЭС.

Топливный цикл

Ядерный топливный цикл – это совокупность промышленных процессов, связанных с производством электроэнергии за счёт деления урана на электростанциях. Прежде чем использовать уран, добытый в шахтах, его необходимо переработать. Топливо, отслужившее свой срок, извлекается и может быть переработано для получения нового топлива для других электростанций – так называемого МОКС-топлива (Mixed-Oxide fuel). Последнее представляет собой смесь оксида природного урана и оксида плутония (World Nuclear Association, декабрь 2020).

Оставшаяся часть, как объясняется в вышеупомянутом отчёте “INFCIRC/549”, захоранивается. Потенциально, если не будут соблюдаться действующие международные договоры о нераспространении ядерного оружия, эти отходы могут быть использованы для производства атомных бомб.

Большая часть отходов, образующихся на выходе из электростанций, – около 96% – это уран, из которого менее 1% приходится на расщепляющийся U-235, и ещё 1% составляет плутоний. И U-235, и

плутоний могут быть переработаны в новое топливо. На сегодняшний день с гражданских атомных электростанций было выгружено около 400 тыс. т отработанного ядерного топлива, из которых было переработано около 30%. В настоящее время мировые мощности по переработке гражданских отходов составляют около 3 тыс. т в год. С вводом в эксплуатацию завода The Rokkasho Nuclear Fuel в японской деревне Роккасё мощность переработки увеличится на 800 т (см. таблицу).

Трудности энергетического перехода, связанные с ограничением выбросов CO₂, вновь открыли дискуссию о возрождении гражданской ядерной энергетики с помощью электростанций на реакторах поколения IV. Война на Украине и международные конфликты, связанные с кризисом мирового порядка, вновь подняли дискуссию о военном использовании ядерной энергии.

Существует взаимосвязь между энергетическим переходом, возрождением ядерной энергетики, производством ядерных материалов и отходами.

Атомные бомбы

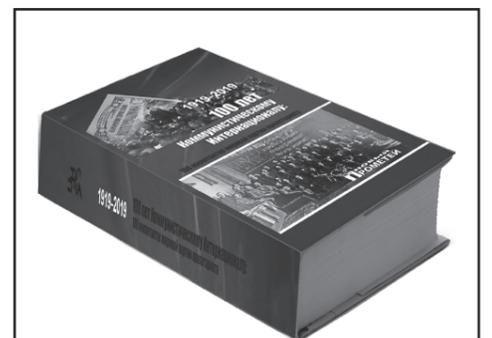
В апреле 1943 года в рамках проекта “Манхэттен” в США с целью разработки и создания ядерного оружия была основана Лос-Аламосская национальная лаборатория (шифр “Site Y”). Эксперимент в Аламогордо по проведению первого плутониевого ядерного взрыва состоялся в июле 1945 года – через 26 месяцев после создания лаборатории. За столь короткий срок американскому промышленному аппарату удалось создать самую мощную взрывчатку в истории. С учётом технологического развития, произошедшего с 1945 года, страны, имеющие гражданские атомные электростанции, также располагают учёными, инженерами и промышленным потенциалом, позволяющими создать атомную бомбу в течение нескольких месяцев. Помимо стран, уже обладающих этим оружием, можно назвать Германию, Южную Корею и Японию.

Основой ядерного оружия, уничтожившего Хиросиму в августе 1945 года, был обогащённый уран, а второй бомбы, сброшенной на Нагасаки, – плутоний. После разрушения Нагасаки история гонки ядерных вооружений – это, по сути, исто-

рия плутония. С 1952 года, когда США взорвали первую термоядерную бомбу, история ядерного оружия стала также историей реакции деления и синтеза изотопов плутония и водорода. Чтобы запустить термоядерную реакцию, подобную той, что происходит в недрах Солнца, температуру водорода необходимо довести до примерно 100 млн градусов Цельсия, что в 17 раз выше средней температуры Солнца, и это достигается за счёт реакции деления плутония. Из количества плутония, который нужен для создания простой ядерной бомбы, можно создать около 333 плутониево-водородных бомб той же мощности с термоядерным синтезом.

Самая мощная термоядерная бомба была испытана СССР в 1961 году, её мощность в 4,6 тыс. раз превышала мощность ядерной бомбы, сброшенной на Хиросиму. Сколько реальных и потенциальных Хиросим находится в арсеналах ядерных держав или стран с запасами плутония, таких как Япония? В глобальном контексте кризиса мирового порядка мы слышим эхо слов Оппенгеймера: «Я стал смертью, разрушителем миров».

Lotta comunista, апрель 2024 г.

**1919–2019. 100 лет
Коммунистическому
интернационалу: 100 милитантов
мировой партии пролетариата**
608 страниц, твёрдый переплёт,
именной указатель,
иллюстрации по тексту.
978-5-6042357-0-6
Цена 450 руб.

ГОДОВОЙ ОБЪЁМ ПЕРЕРАБОТКИ ЯДЕРНЫХ ОТХОДОВ

Объекты по переработке ядерных отходов с указанием рабочей мощности в тоннах отработанного топлива, которые могут быть переработаны за один год.

Франция, коммуна Ла-Аг (La Hague)	1.700
Великобритания, деревня Сискейл (Magnox Reprocessing plant, Sellafield)	1.500
Япония, деревня Роккасё (The Rokkasho Nuclear Fuel)	800
Россия, город Озёрск (ФГУП “ПО “Маяк”)	400
Индия (4 тяжеловодных ядерных реактора (PHWR))	260
Другие страны (оценочно)	1.760
из которых гражданские мощности	3.860